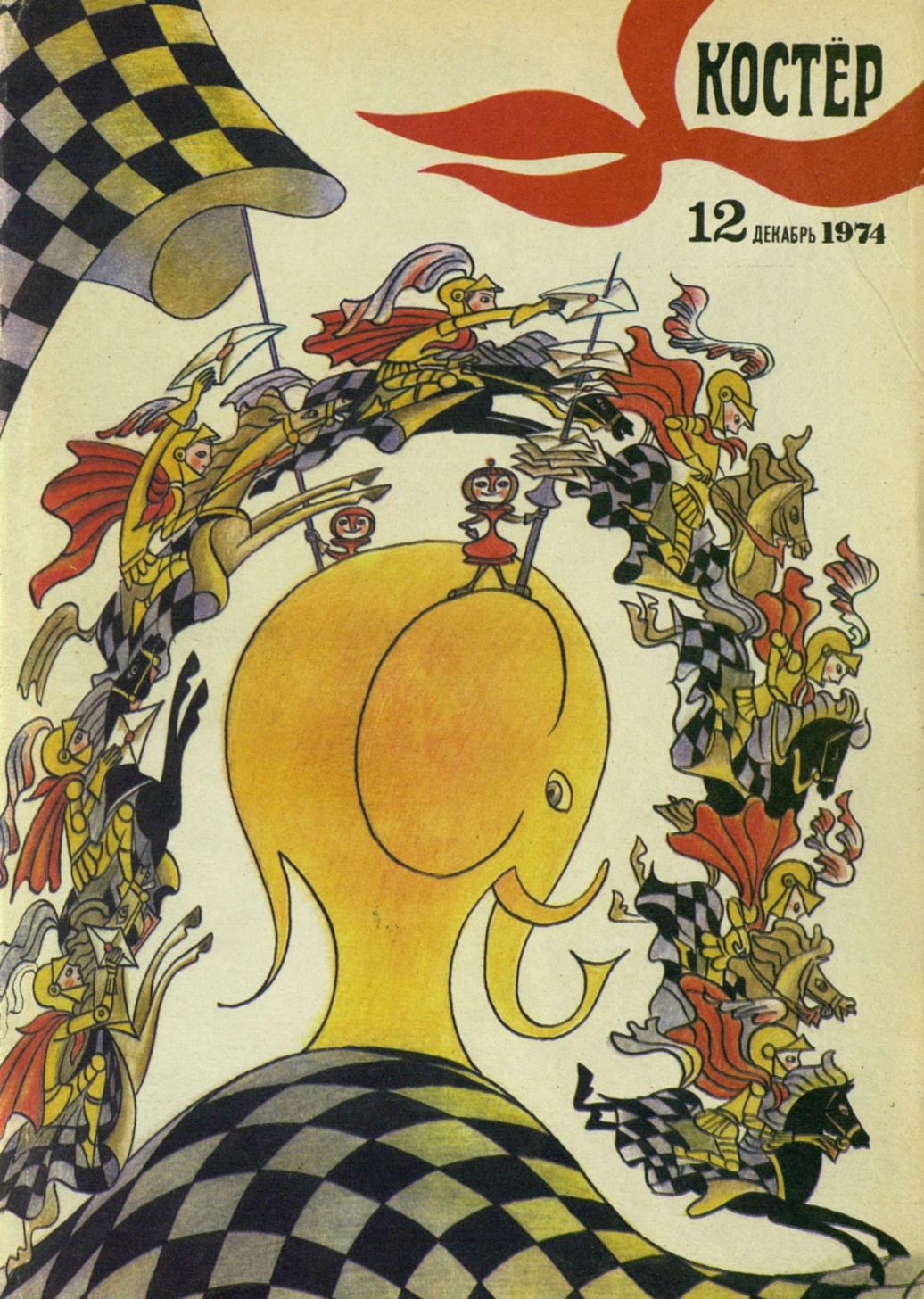

КОСТЁР

12 ДЕКАБРЬ 1974

ЗАКОНЧИВАЕТСЯ
1974
ГОД

В этом году, как и прежде, наша страна растила хлеб, выпускала машины, делала открытия и учила своих детей.

И каждый человек, каждый гражданин нашей страны старался больше вырастить хлеба, чаще выпустить ловкие и сильные машины, глубже проникнуть в скрытые тайны мира.

А все вместе это называлось выполнением плана четвертого года пятилетки.

Посмотри на карту Годины — и ты увидишь, что в этом году твоя страна была похожа на огромную строительную площадку.

На Крайнем Севере мы строили Мурманскую атомную электростанцию.

На жарком юге, в Киргизии — Токтогульскую ГЭС.

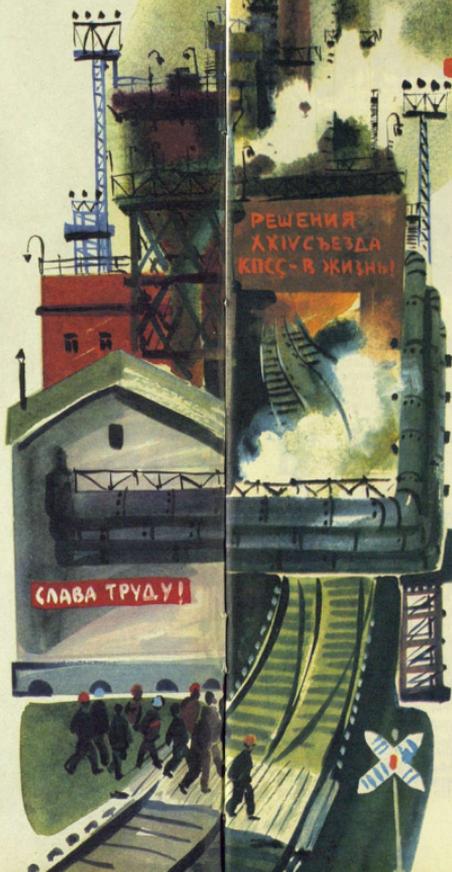
А там, где недавно была таежная глушь и лишь звери протоптавали узкие тропы, ждал скоро электроэнергию Усть-элимская ГЭС.

Мы продолжали строить КамАЗ и потратный стан в Череповце.

Тысячи лучших людей страны по комсомольским путевкам прибыли в этом году на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Не зря 1974 год советский народ назвал определяющим годом пятилетки.

И если ты шел пионерскими маршрутами вместе со

своим звеном, собирал металл для пионерских плавок или сберегал колоски хлеба нового урожая, то значит, и ты помогал Родине выполнить ее планы.

Пройдет немного дней, и 1974 год покинет планету Земля.

Многие люди на планете с надеждой обернутся навстречу новому году. Потому что от нового года ждут они спокойствия и прочного мира.

В этом номере «Костра» ты встретишься с людьми разных континентов.

Очень непохоже живут народы Танзании и Японии, нашей страны и страны Шри-Ланка.

Но у всех у них одно общее желание — жить в мире и дружбе.

И все они в новом году будут стараться, чтобы мир еще прочнее поселился на Земле.

Через несколько дней в двери нашего дома постучится новый, 1975 год.

И мы ему скажем:
— Здравствуй! Входи, пожалуйста. Будь нашим другом.

Рисунки
А. Харшана

РАССКАЗ

Юван Шестаков

Рисунки А. Януса

ПЕРВАЯ

— Слушай учительницу. Она будет тебе как мать, — мама заплакала. Сергея рванулся к ней.

Он не мог представить, как чужая русская тетя будет его мамой. И как родная мама может оставить его здесь, в чужом доме, который называется непонятным словом — интернат!

Но она все же оставила его. Сергей знал, что если бы не promessa, он мог бы ходить в школу дома. Но мама уехала на берег болей реки, чтобы ловить рыбу. У других ребят мамы тоже на промысле.

Все учились. Никто не плакал. Не плакал больше и Сергей. Только утром подушка его была чуть влажной от слез, уроненных укладкой. А когда окружились снежинки и река покрылась настоящим льдом, Сергей решил бежать к маме, добраться до нее во что бы то ни стало!

Бежать можно по реке. Она покрыта льдом. Сергей помнит эту дорогу. Летом с мамой ез-

дил. Тогда вода была высокой, но все равно можно узнать все повороты реки, по которым ездили на лодках. Только одному страшно. Вот если бы вдвоем!

У Васи, одноклассника, мама была там же. Сергей поделился с приятелем своим планом. Конечно, Вася не только обрадовался, но и захотел бежать сейчас же.

Решили идти утром. Сергей знал: ноябрьский день хотя и короткий, но если выйти из интерната сразу же после завтрака, когда еще темно, то к полному рассвету можно дойти до реки, где большая дорога расходится на две. Хорошо видно будет, по какой идти.

Ночью Сергею снилась мама. То казалось, что она стала учительницей. Она была совсем рядом и говорила, как русская тетя, разные умные слова. То была обыкновенной мамой в мажорском платье, расшитом обыкновенным мажорским орнаментом. Сергей бежал, хотел прижаться к ней. Но она почему-то уходила от

него. Сергея плакала, умолял взять его. Она смотрела на него печальными глазами и шла мимо...

Утром, позавтракав, ребята пошли в классы, а Сергей с приятелем незаметно надели пальто и побежали по реке. Идти было совсем легко. Мороза не было. И ветер где-то уснул. Тишина стояла. Только снежок чуть-чуть покрутывал под валенками. Сначала ребята шли по льду. Правда, кататься было уже невозможно. Но все же лед есть лед. Кажется, не идешь, а катишься.

По дороге тоже было хорошо шагать. Даже лучше, чем по льду. Впрочем, это тот же самый лед, только снег на нем укатан до блеска. Следом. Никто не шуршит, не слышно шагов сапег и нарт, следы копыт коней. Потому что мы на лошадях. На оленях даже иногда здесь ездят. Сергей сам своими глазами видел. Вот хорошо бы сейчас на оленях прокатиться. Ведь до другой деревни на лодке и то долго едешь. Почти целый день. Километров, наверно, тридцать. А до мамы еще дальше. За другой деревней их промысел находится...

Вот уже и солнце выглянуло краешком глаза из-за дальнего леса. Заблестела узкая санная дорога, заблестела белая шуба реки и пологий заснеженный берег. Хорошо идти, когда светит солнце. Хорошо, когда веришь, что дойдешь до мамы. А мама все поймет. Хорошо, когда кто-то понимает...

За каждым поворотом река открывала новую дель. Ноги, сначала легкие, как крылья, тяжелели с каждым поворотом. И ребята время от времени стали присаживаться. То на сваленное дерево присядут, то на заснеженную кочку. А под кочкой — норка горностая. Он бежал, наверно, совсем недавно. И зайцы натро-

— Но ведь скоро ночь...

— В этой деревне ни никто не ждет. И стыдно как-то стучаться в чужую дверь... Они будут смотреть на нас большими глазами и спрашивать, кто мы такие. Лучше же идти. Если пойдем прямо по реке, а там свернем в протоку, то сократим путь, знаешь, на сколько? К звездам мы уже будем дома!

Как порешили — так и сделали. Снова село заруствел под ногами снега. От одной мысли, что они сегодня увидят своих мам, опять прихлинули силы. Да к тому же откуда ни возьмись выскочила лисица. Вилая огненным хвостом, она побежала в ту же сторону. Ребята совсем забыли про усталость. Полетели следом. Но снег почему-то все тяжелел и тяжелел. То ли гудыжи он стал, то ли устали ноги. Даже лисица, которая уже мышкавала в снегу, не помогала.

Вдруг ребята увидели чудо: на противоположной стороне реки по берегу кто-то ехал. На лошади. Ребята сначала испугались. Подумали, что это погоня за ними. Хотели было притаяться. Но человек, большой овчинной шубе, который сидел в легких сапгах, взглянул на них ласково, стегнула лошадь плеткой и промчался дальше.

— Возьмите нас, дяденька! Нам в ту же сторону! — кричали ребята.

Но дяденька не слышал. Он хлестал свою лошадь. Только снег выхрился под копытами. Долго ребята бежали за сапгами. Но лошадь оказалась быстрой. Скоро она скрылась за мысом...

Надвигались уже сумерки.

— Пойдем лучше по следу, — предложил приятель, — а то еще заблудимся. Человек

УЧИТЕЛЬНИЦА

пили ночью столько дорожек, что даже не сосчитать, не то чтобы разобраться, куда они ведут.

— А интересно, сколько километров зайц пробегает за ночь? — спрашивает Сергей.

— Наверно, не один и не два, — отвечает приятель.

— Километров сорок могут они без всякого! Не меньше!

— Конечно! У них четыре ноги. Им легче.

— Что ты? Думаешь, мы слабее какого-то косого зайца! Мы ведь все же школьники, не малыши. Неужели мы за день не дойдем? Как раз километров сорок до промысла. А поковыряем мы уже прошли.

— Может быть, переночуем в деревне за тем лесом! — предлагает приятель.

— Знаешь, если пойти прямо по реке, а не заходить в деревню, можно быстрее дойти до мамы. Разве тебе эта незнакомая деревня нужна, а не мама?

это ведь не в лес ехал. Может, там и наши мамы.

Нет! Речка... Она всегда впадает. Зря потерел время. Пойдем лучше прямо.

Пошли прямо. Но впередик не оказалось ни следа, ни реки. Пока спорили, что же делать, совсем стемнело. На небе зажглись звезды. Они, казалось, чуть позавинили. И снег стал звонче. Это заиграл морозец. Взмошла луна. Она выглядела из-за заснеженного тальника глазом великана. Если бы Сергей был как глазом великана, он испугался бы. А когда один, то наверняка испугался бы. А когда вдвоем — не так страшно. Даже хорошо, что повалела луна. Снег заголубел, закрился. И небо стало не таким уж мрачным. Ребята шли теперь медленно, тихо переговариваясь.

Сергея. Тебе не кажется луна глазом великана?

Вася. Кажется... Только не глазом великана, а будто из-за деревьев смотрит Танкаряшка.

Сергея. Та, которая по ночам любит шек-

тать? Так она ведь около деревни живет. Сама мама сказывала.

Вася. А может, деревня правда здесь. Где-то недалеко.

Сереза. Пусть хоть Танкварпэква. Только бы недолго нам идти.

Вася. Ноги мои стали, как камни. Может, присядем?

Сереза. Садиться нельзя. Снег приворожит. И нам не встать будет.

Вася. А мы не на снег. А вот на то поваленное дерево.

Сереза. Ладно, посидим. Я тоже устал. Хочешь хлеба? У меня еще два кусочка осталось. Даже с маслом...

Вася. Откуда у тебя столько хлеба? Мы ведь уже вчерашнюю порцию съели...

Сереза. Я давно готовился. Не всю порцию хлеба съедал. И сахар, и масло откладывал. Ждал, когда река встанет...

Вася. А чего ты мне не сказал? Я бы тоже... Сереза. Я не думал, что ты...

Вася. Смотри-ка... Глаз луны ближе стал. Может, и правда Танкварпэква?! Она тебя еще не шекочет? Меня, кажется, уже начинает.

Сереза. Танкварпэква трогает только спящих. А ты ведь еще не спишь. Или засыпаешь? Вася. Нет...

Сереза. Смотри-ка! Смотри! Вот там! Кто-то едет!..

Ребята побежали. Но кочки, пни, ямы мешали им. Они падали, поднимались и снова бежали. Но мгновение ноги будто снова обрели крылья. Но на дороге, до которой приятели добрались, сверкали лишь лунные искры от следов саней.

— Та же самая дорога. Я же говорил. Теперь нас могут найти! Может, кто-то опять поедет.

— Я больше не могу! — рухнув на снег, прогнул Вася.

— Ладно, отдохнем. И пойдём дальше. Я знаю. Это совсем недалеко. Всего несколько километров. Мы должны, должны дойти! Мама ведь там наши.

Отдохнув, они снова шли. Медленно, еле-еле перебирая ногами, будто шли не по гладкой наезженной дороге, а по глубокому снегу.

— Еще невозможно! Еще невозможно! И там наши мамы. Мы должны, должны дойти! Мама нас ждет! Мы должны, должны! — как заклинание, повторял Сереза, подбадривая теперь уже не только товарища, а и самого себя. Лунные искры закружились, запылали. Голубу тянуло к земле. Но снежинки все же похрустывали, ноги шли, потому что в сознании светилось: «Мама». Она просила сделать шаг, еще шаг. Она умоляла не садиться на снег, а то увидишь Танкварпэкву. А кто хочет видеть Танкварпэкву? Лучше уж не видеть ее! Лучше уж сделать еще шаг — а там и мама. Самая светлая, добрая, ласковая!

Две синие тени покачивались на голубом снегу, словно два карликовых деревца под сильным ветром...

И тогда кто-то схватил Серезу большими и сильными руками, и когда он своими глазами увидел перед собой настоящую быстроногую лошадь и широкие сани, лишь тогда он позволил своей голове закружиться в синих лунных искрах. И по взгляду человека, схватившего его, он понял, что этот довезет до мамы... Есть же и чужие люди, которые понимают человека, как своего!

И Сереза забылся...

А утром, проснувшись, Сереза увидел: мама накладывала на его горячий лоб мокрую тряпку и что-то говорила. Слова были обыкновенные, какие говорят все мамы своим детям: чуть-чуть строгие и нестрогие в то же время. В них всегда справедливость. И даже если слова на самом деле строгие, даже и тогда совсем не обидно. А как-то необыкновенно хорошо. Светло. Тепло...

Голова Серезы кружилась. Ломило тело, ноги. Но рядом была мама. Ее глаза смотрели на него. Они струили свет. Мама поняла. Поняла, почему Сереза бежал из школы. Ведь не только хотелось ему увидеть ее. Нет, не только это. Что-то большее было причиной. Соскучился Сереза? Да! Но не только это. Что-то большее было!.. Да, было! Потому и пошел по снегу наугад, не боялся мороза и дальней дороги.

Но мама скоро снова отвезла Серезу в школу. Только выздоровел — и сразу отвезла.

Было больно и обидно. Будто она перестала понимать сына. Сереза сначала по ночам снова ронял слезы в подушку. Но потом заметил, что учительница не такая уж чужая. Она была по-своему доброй и тоже кое-что понимала. Конечно, она не могла, как мама, с утра и до ночи тянуть невод, добывать настоящих живых рыб, зато умела другое. Научила Серезу читать. И книги оказались интересными не только своими красочными картинками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь с одной мысли, поднимаясь к другой. Прочитаешь страницу — будто тропу пройдешь, вторую прочитаешь — на незнакомую высоту поднимешься, а книжку прочтешь — в волшебной стране побываешь, все ее дороги и тропинки узнаешь...

Летом Сереза был снова с мамой. Ловил рыб, гонялся за утятами, и даже настоящие дикие гуси не раз убежали от него, как трусливые зайцы.

Хорошо было Серезе с рыбами, птицами, с таежными зверьками, но почему-то книжки становились все интересней и интересней. Они зачаровывали, будто колдуны. Сидишь и смотришь в бумагу. И не бегаешь так много, как раньше.

И почему-то иногда вспоминалась учительница. А к осени Сереза захотелось ее увидеть. Еле дождался первого сентября. Шел в школу, как на праздник.

ЗВЕЗДЫ НАД КАМОЙ

Герман Балув

Около тридцати лет тому назад, когда еще и слов таких не было: «великие стройки коммунизма», когда только фантасты писали об удивительных платинах и гигантских заводах, наш университетский курс послали на картошку, на Каму. А с картошки меня и еще одного первокурсника направили в Набережные Челны, на соль.

Набережные Челны оказались тихим деревенным городком. В солнечном осеннем блеске летала паутина. На багряных улицах рылись куры. Под камским обрывом, на прибрежной песчаной полосе белым бугром возвышалась соль. Дожди превратили ее в камень.

Мы кромсали соляной бугор поперечной пилой и грузили куски на подводу. Мой напарник изнемогал от счастья. Во время войны он был штурманом морской авиации и потому с наслаждением окунался в тишину, радовался солнцу, паутине и даже ржавую нашу пилу дергал с удовольствием.

Огромная первобытная тишина стояла над Камой, над пустыми осенними лесами. Ртутно поблескивая, неслась перед нами широкая светлая река. Дико и низко чернела кайма дальнего лесистого берега. Привалась мокрой спиной к соляному бугру, я щурился от блеска Камы, прислушивался к сонному скрипу одолевающей подъем подводы и не признавал за жизнь это солнечное сонное царство.

Ни в каком сне не могло мне тогда привидеться, что поиски настоящей жизни приведут сюда же, в Набережные Челны, где развернулось строительство крупнейшего в стране автомобильного завода — КамАЗа.

Однако вот — я снова здесь. Иду на встречу со знаменитым строителем, Героем Социалистического Труда Алексеем Борисовичем Новолодским. Колко сверкают звезды, визжит снег. На широких улицах торчат свежие пластины пяти- и девятиэтажных домов — сплошная сыпь зажженных окон.

Уже четвертый день мороз под сорок, да еще с Камы ветерок тянет... Погода не шуточная — бригады сидят по домам. С кем хочешь встречайся — никого не оторвешь от работы.

Бригадир Новолодский, пользуясь неожиданным затишьем на стройке, в две кисти, вместе с братом, масляной краской освежал прихожую и провел меня по ней, как по минному полю.

— Все-таки оторвал от работы? — сказал я на всякий случай.

— Да что! Какая работа?! Брат докрасит: ему одно развлечение.

Новолодскому сорок лет. Он подтянут и каменно-крепок. Лицо крутое, скулатое, с темно-коричневым дубленным загаром.

— Сегодня полдня сидел в штабе и читал письма, которые шлют на КамАЗ, — сказал я Новолодскому. — Прочитал, наверное, сотню...

— И все хотя трудностей?

— Кое-кто трудностей... Но большинство — счастья. Хотите, прочитаю?

«...Уже давно «болею» КамАЗом, все собираюсь уехать к вам, но не всегда получается так, как хочешь. Главное, хотела бы узнать, есть ли там интернаты?

Дело в том, что у меня брат. Он перешел в 5-й класс. Почему именно интернат, а не школа? Да потому, что целый день на работе, а там еще общественные поручения, учеба... А мальчику нужен режим, вовремя сделать уроки. Ведь так хочется, чтобы он вырос хорошим человеком (хотя и без родителей)!

Со мной хотят ехать еще две девочки. Труд-

Шлифовщица Людмила Петровна Ирисова работает на станках повышенной точности. За ударный труд она награждена орденом Трудового Красного Знамени.

ностей мы не боимся, работать будем, где придется, где нужнее. А со временем и специальность получим...»

— Так и кажется, что кто-то из моих девчат писал. Очень чистые какие-то ребяташки, к настоящему делу тянутся...

— Вам, очевидно, повезло, что сразу нашли свое место в жизни?

— Я ведь сибиряк. Только в 1971 году попал в Европу, на КамАЗ, значит. А так мои родители жили в селе Исток, на Байкале. И на моем горизонте была лишь шахта угольная. Туда я и подался после службы в армии.

— Вы в забое работали?

— А где же еще!

— Ну как где?! И полегче на шахте есть места.

— Полегче? Нет, полегче — как-то неудобно. А потом ведь все относительно: полегче,

потруднее... В работу втягиваешься, и она становится нормальным твоим состоянием. Вся суть-то, наверное, в том, чтобы преодоление трудностей не казалось героическим актом, после которого надо ехать на курорт или расслабляться по системе йогов. Преодоление должно стать нормой, стилем жизни. Тогда можно надеяться, через год или два обернешься назад — ого, своротил гору!

— Однако шахту вы все-таки оставили?

— Мы стремимся держаться вместе, — сказал из коридора брат.

— Он работал на строительстве Иркутской ГЭС, — Алексей Борисович кивнул в сторону пахнущей краской прихожей. — И я к нему решил быть поближе. С шахты меня с боем отпускали. Начальник посылал учиться на мастера, обещания всякие давал... Но уж если я решил, так решил! И там, на Иркутской ГЭС на-

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ КамАЗа

Рассказывает художник Анатолий Гетманский

Мне приходилось бывать на многих стройках Пятилетки. Но такого размаха строительства я не видел нигде. Если говорить точно — КамАЗ строит вся страна. А еще точнее: его строит комсомол.

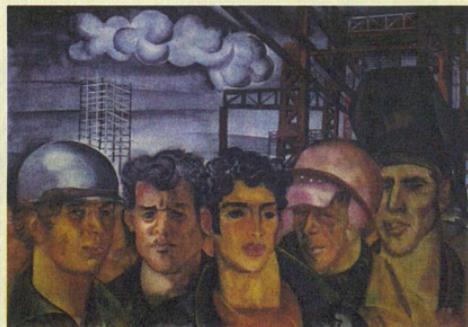

Это Надя Старкова, бригадир комсомольско-молодежной бригады ремонтно-инструментального завода КамАЗа. А как Надя поет, особенно русские народные песни, поневоле заслушаешься.

Бригада монтажников треста „Уралстальконструкция“: Василий Стефанкин, Петр Иванов, Владимир Меньшиков, Николай Пехташев, Иван Кусаков.

Оба они — Трофимовы: отец и сын.
И оба — лучшие шоферы КамАЗа.

учился по-настоящему работать. Это было для меня очень важно. По-моему, ужасно, когда человек не держит как следует дело в руках. Я работал на основных сооружениях под руководством Евгения Никаноровича Батенчука, впоследствии возглавившего строительство Вилюйской ГЭС. Он и меня увлек за Полярный круг. Вызвал — так и так, говорит. Здорово холодно: сталь хрустает, кабель — троны — в прах рассыпается. Ничего нет, квартир нет. Правда, доски есть и опилки... Вот такое положение. Вот и скажите: мог ли после этого отказать? Словом, на Руси не все карасы, полетели мы с Батенчуком строить Вилюйскую.

Новолодский достал фотографию, на которой с вертолета был снят аккуратнейший поселок, плотина и электростанция.

— Вы и на КамАЗ потом вслед за Батенчуком приехали?

Начальника участка треста „Стальмонтаж“ З. В. Бочканова я нарисовал в его штабном вагончике. Мне просто повезло. Застать там Здуарца Васильевича — дело трудное, он все время на объектах.

Комсомолка Вера Красильникова на КамАЗе не только освоила новую профессию — водителя электрогрузчика, но и стала победителем соревнования молодых водителей.

— Верно. Та же история. Все просто.

Услышав это «все просто», я вспомнил дневной скрипучий путь по снежным полям на строительство КамАЗа. И новый город, возникший вдали на холме. И старые Набережные Челны с резными наличниками и тесовыми воротами, уже зажатые со всех сторон гигантской стройкой, и в этом ослепительном окружении вдруг ставшие невероятно лихими, мешающими. И поселок Энтузиастов — целую галактику вагончиков в поле. И сами заводы, уже поднявшие свои конструкции над промерзшей землей. Они щетинились белыми от инея колоннами, решетками ферм вдоль Камы — насколько доставал взгляд. Все было так немислимо огромно, размашисто, смело, что даже невозможно сопоставить маленького человека, его слабые руки и эту мощь.

— Сколько же норм вы даете за день?

— Нормы бывают разными. Человек, который никуда не спешит, идет со скоростью четыре километра в час. У чемпиона мира по бегу норма совсем другая. Так и у нас. Я уезжаю на площадку — еще темно. Вечером приезжаю на часик домой, отдохну, попою чаю и снова на стройку.

— И никакой личной жизни?

— Это и есть моя личная жизнь: построить крупнейший в мире литейный завод — один из многих заводов КамАЗа!

Брат, который красил прихожую, вымыл, наконец, кисти и встал у косяка, усмехаясь.

— Принимай работу, — сказал он. — Уеду, вспоминать будешь.

— А куда вы? — спросил я.

— В Сирию, — за брата сказал Новолодский. — Не успел из Монголии приехать — строил там завод, — пожалуйста, в Сирию!..

— А что КамАЗ?..

— Экзотики не хватает и нет созвездия Козерога, — сказал брат со своей загадочной улыбкой. — Помогаю создавать индустрию в дружественных и развивающихся странах.

— Экзотика! — сказал Новолодский. — А то, как Коля Шемякин стал настоящим человеком, — разве это не экзотика. Представляете, Коля Шемякин приехал на КамАЗ с юга, незаметный паренек, средний плотник. Словом, ни рыба ни мясо. Заставишь бытовку убрать — уберет, не заставишь — сидит себе, курит. И вот прилетели на КамАЗ фельдшеры, парикмахеры, педагоги и просто романтики без профессии. Все мои кадры растащили на бригадиров. И когда создавали очередную бригаду, скрепя сердце поставили мы во главе ее Колю Шемякина: больше некого было. И человек стал просто неузнаваем. Прекрасный организатор, беззаветная преданность делу, тактичность, смелость — откуда что взялось?! Недавно принимали его в партию. Коля сидел, а в глазах были слезы. А когда шли домой, сказал, что до тридцати лет он сам ничего не знал о себе. Что открыла его большая работа, большая ответственность — КамАЗ открыл.

БАРАБАН

12

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ „КОСТРА“

Оформление Г. Ковенчука

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

ГРАНДИОЗНЫЙ КОСТЕР НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ — вот чем закончился наш краевой пионерский слет. В Новороссийск съехались гости со всей Кубани. Три дня — а кажется, будто много всего, так интересно! Вот митинг на площади Героев — факелы, гирлянды славы, увитые гвардейскими лентами, мелодия «Новороссийских курантов»... А встречи с защитниками Малой Земли, с делегатом III съезда комсомола Л. Д. Сахаровым, с адмиралом Г. С. Холостяковым... А музей боевой славы в школе-интернате! Там все собрано ребятами — от бомбы, найденной на поле сражения, до полетевшей газетной статьи. Наш слет мы запоем навсегда.

*Наташа Андреева, председатель штаба слета
Сергея Варламов, Ира Казакова*

ОТДАЙ НЕ ТУ КНИГУ, КОТОРУЮ НЕ ЖАЛКО, А ТУ, КОТОРУЮ САМ БЫ

хотел получить в подарок, — под таким девизом у нас в дружине проводится сбор книг для детской больницы.

Ира Раздымахо, Красноярск, школа № 167

«ПОДУМАЕШЬ, КУКЛЫ ЧТО МЫ, МАЛЕНЬКИЕ?» — так у нас в школе сначала говорили, когда мы затеяли кукольный театр. Начали мы показывать представления. Показали младшим классам, пошли в детские сады, в санаторий. Зрители были рады, приглашали еще. Теперь отбою нет: «Примите в театр!»

*Оля Пчелинцева,
Кентау, школа № 3*

КАЗАНЬ — ЭТО ЗНАЧИТ КОТЕЛ — это я узнала в самой Казани, а попала туда вот как: наш отряд наградили путевкой за хорошую учебу, дисциплину и чистоту. Много мы где побывали: в Кокушкине, где жил В. И. Ленин, в музеех, в цирке, в ТЮЗе. Видели башню Сююмбеки и сфотографировались около памятника Мусе Джалилю. В Казани мне очень понравилось.

*Ира Журавлева,
ТАССР, поселок Н-Зай*

РАДОСТИ И
ОБОРЧЕНИЯ
НОВОГО ГОДА

Я пришел в школу рано и спрятался за сценой, чтоб никто меня не видел, потому что я исполнял роль Нового года, а ему нельзя появиться раньше времени. Так что мне и повезло и не повезло. Повезло, что получили такую ответственную роль, но не повезло, потому что все веселились, танцевали, а я сидел за сценой... Глядеть-то в щелочку было интересно, только хотелось и самому повеселиться. Я все ждал, когда будет двенадцать. Директор школы дал мне свои часы, чтоб я не прозевал. Правда, и репродуктор был в зале, чтоб слушать Москву. Наконец пробило двенадцать, я выбежал на сцену и всех поздравил. Наши ребята сразу меня узнали и стали кричать: «Мишка, Мишка, где ты был?!» За свой новогодний костюм я получил премию — фотоальбом «Рязань». И снова началась танца, теперь уже в новом году. В конце бала у меня еще была радость: я выиграл в лотерее авторучку.

*Миша Громов, село Лесное
Рязанская область*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Список читателей, получивших удостоверение юнкора в 1974 году, будет опубликован в январском выпуске БАРАБАНА.

Про наших взрослых

БАБУШКИ И ДЕДУШКИ

Дорогой БАРАБАН! Моя бабушка Полина Александровна Холмогорова родилась в 1893 году в древнем русском городе Переславле-Залесском. С двенадцати лет пошла работать на фабрику. Учиться ей не пришлось, научилась она читать и писать у своих детей, когда они пошли в школу. На ее глазах произошла Октябрьская революция, Отечественная война. Она помогала детям, вывезенным из блокадного Ленинграда. Сама бабушка потеряла в войну двух сыновей. В одном доме с нею в Переславле жил писатель Михаил Пришвин. Пришвин очень уважал бабулю и советовался с нею.

Очень прошу вас напечатать о бабушке, потому что сейчас она очень больна.

Света Введенская,
Москва

Здравствуй, дорогой БАРАБАН! Я пишу о своем дедушке. Мой дедушка участвовал в двух войнах. Когда ему было тридцать лет, его ранило. Теперь он еле ходит с костылями.

Летом, когда приезжают его внуки и внучки (а всего у моего дедушки их тринадцать), он нам рассказывает всякие истории про войну.

Дедушке скоро стукнет 82 года. Зовут его Захаркин Кузьма Савельич. Посылаю тебе, БАРАБАН, фото моего дедушки-героя.

Гая Захаркина,
Калужская обл.,
деревня Б. Желтуха

В О К Р У Г
БОЛЬШОГО
БАРАБАНА

«Брало зло на Таньку»

Здравствуй, дорогая редакция! Я не знаю, будете ли вы печатать мое письмо, но все же я решила написать вам. Я перешла в пятый класс, зовут меня Надя. В начале года я дружила с Таней М. и была с нею неразлучна. В январе я сильно заболела и меня положили в больницу. Когда я выписалась, то пошла к старой подружке. Таня М. увидела меня и очень обрадовалась. Но в мае Таня нашла новую подружку Олю Е. Мне стало очень обидно. И я пошла к Тане спросить, почему она со мной не дружит. Таня сказала про это Оле, Оля обиделась на меня, и теперь они неразлучны. Дорогая редакция, очень прошу напечатать это письмо в «Барабане» и в газете «Пионерская правда». Пусть Тане М. будет очень стыдно менять старую подружку на новую.

Дорогая редакция, когда я писала это письмо, у меня из глаз сами собой капали слезы, мне жалко старую подружку Таню М. Извините, что в конце письма плохой почерк. Брало зло на Таньку.

Надя И.,
Владимирская обл.

Как видишь, Надя, мы напечатали твое письмо. Фамилии полностью не называем, потому что в письме идет речь о сугубо личных отношениях.

Мы сочувствуем тебе, Надя. Обидно потерять друга, очень обидно. Но подумай, можно ли с помощью жалобы, напечатанной в «Пионерской правде» или «Костре», вернуть дружбу?.. И еще — имеем ли мы право публично, в

печати, бичевать человека только за то, что он с нами раздружился?..

Дружба — душевная привязанность, насильно мил не будешь. Ты написала свое письмо под горячую руку. Сама говоришь: «Брало зло на Таньку». Злость — плохой советчик. Мстить человеку за то, что он перестал с тобой дружить — неблагоприятно. Месть унижает в первую очередь того, кто мстит.

И последнее. Подумай, Надя, хорошенько: может быть, есть и твоя вина в том, что дружба ваша разладилась...

Вожатик

Дорогая редакция... У нас в классе есть Малкин Валера. Когда он приходит в школу, от него пахнет табаком. Когда он подходит к воде и пьет ее, от воды тоже пахнет табаком. Мы сколько раз запрещали Валере курить, но он нас не слушает и продолжает севе.

Эмма Осаян, 3 класс,
ст. Колодезная

Молоко, как говорится, Не обсохло на губах — А уж мамы не боится, Табачищем весь пропах. И пропала навсегда — От соседства с ним — вода. Ложка та, которой ел, Кошка, книжка, глобус, мед, Стадион огромный, школьный И в придачу — мяч футбольный... На колхозного быка Он дыхнул издадека, И свалился грозный Бедный бык колхозный...

СНЕГИРИ

Я иду по тропке узкой,
А кругом зима вьожит...
Вижу я — на елке хрупкой
Яблоки вдруг выросли!
Только их сорвать хотела —
Улетели яблоки
В дальние лески...
Это были снегири,
Что украли у зары
Яркий солнечный наряд
И зимою в нем горят.

Рита Соколова, 6 класс,
Ленинградская область

- Жираф кто?
- Ну, как тебе объяснить...
- А я знаю — это страус, только он лошади!

Разговор в ленинградском зоопарке
подслушал Павлик Семенов

Вовик говорит:
— Папа, когда мама была малень-
кая, ты ее за косы таскал?
— Нет, тогда я ее еще не знал.
— Так, значит, вы с мамой чужие?

Прислал Боря Ерохин
из Тюменской области

Наш трехлетний Денис считает так:
«Раз, два, все...»
С. Демьяновский, Ленинград

Пятилетняя Зиночка обиделась на брата и говорит: «Я не буду вытираться с тобой одним полотенцем, ты глупый».

Зиночкин брат, не пожелавший сообщить свою фамилию и адрес...

Идет снег, а наш Дима смотрит в окно и говорит: «Как будто дом поднимается, поднимаются, как будто дом отходит, отходит...» Я посмотрела — и верно!

Света Белоголова,
Московская область

«Папа, — говорит Алик, — расскажи мне сказку, где бы все по-настоящему было».

Бабушка Алика Северцева,
Архангельская область

НАШ
ФОТОКОНКУРС

**ВОИ
ЭТО
ДА!**

Наверно, смотрите и думаете — ну, и что особенного? Снег лежит. Так ведь зима на дворе...
А вы прочитайте-ка письмо.
Здравствуй, дорогой БАРА-БАН! Мне четырнадцать лет. Живу я в поселке Кадый. У нас много интересного и занятного. Каждый год случается что-нибудь невероятное. Так, например, вчерашний день. Деревья давно надели свой зеленый наряд, и вдруг полетели белые мухи, пошел снег! И вот теперь только кое-где видны из-под снега зеленые листья. Правда, снимок получился не очень удачный...
Это было 14-го мая.

Андрей Дерезков,
Костромская область

Обычно в новогоднюю ночь рассказывают сказки, и чем страшнее, тем лучше. Рая Пастухова из деревни Чемцы прислала сказку, которую сама сочинила...

ЧУХ-МУ-СЫ

В старинное время в одной маленькой деревне жили Саша и Даша. Отца у них не было, а мать пропала.

Наступила зима. Однажды Саша и Даша играли около дома. Вдруг видят — Дед Мороз идет, а в руках у него синичка. Они попросили: «Дедушка, отдай нам птичку». Он согласился. Синичка стала жить у ребят.

Саша и Даша заметили, что синичка необыкновенная. Вместо клюва ротик, и глаза как у человека, только маленькие. Саша сказал Даше: «Я слышал, что у нас в лесу водятся кашен, а самого страшного зовут Чух-Му-Сы. Наверно, он превратил нашу маму в кого-нибудь...»

С этого дня они стали еще лучше ухаживать за синичкой. А потом однажды проснулись утром и видят: синички нет, а лежит листок бумаги. На листке написано: «Ищите меня в Черном лесу. Меня утащил Чух-Му-Сы. Я — ваша мать».

Долго они блуждали по Черному лесу. Пока не наткнулись на гору. Гора блестяла и переливалась на солнце. В этой горе и жил Чух-Му-Сы. Они пробрались в гору и увидели мать. Она сидела и горько плакала.

Саша и Даша закричали: «Мама! Мама!» Она сказала: «Тише, злодей спит, а под его огромной подушкой хранится ключ, и если этим ключом дотронуться до горы, она исчезнет и злодей вместе с ней, а мы окажемся дома...»

Ребята пробрались в спальню Чух-Му-Сы и вытащили ключ. Как они хотели, так и сбылось. Они и сейчас живут, и до ста лет доживут.

Рисунок Леша Кульбина

ПРОВЕРКА ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ

«Барабан» № 6. Азимут — угол между направлением на север и заданным направлением.

На восьмерках хватит граненого стакана крупы, примерно столько же надо и киселя.

Условные обозначения на деревьях слева направо: «Там лагерь», «Здесь привал», «Здесь писем».

«Барабан» № 7. Травознак принесли из лесу: Валя — ромашку, Сева — ландыш (кошачью траву), Тая — мать-и-мачеху, Витя — подорожник, Леша — валериану, Катя — мох-сфагнум.

У Вожатика в корзине всего одно растение — лютик едкий. А названий у лютика много: в каждой области свое.

Картина 1

Картина 2

РЕБЯТА! ПОЧЕМУ ПАЛОЧКИНА ПУСТИЛИ НА БАЛ?

Дорогие друзья! Саша Нерсесян и Лала Мурадова из Баку, Андриюша Колпышев из Чебоксар, Ира Ивашкина из Орска, Лена Шумейко из Серебрянки, что в Крыму, Ира Аполлонова из Перми, Лена Жданова из Челябинска, Аня Шимукевич и Жанна Сквородко из Витебской области, Света Зезегова и Галя Паршукова из Деревянка Коми АССР, Лена Лагуткин из села Арх-Борки Липецкой области, Марина Гусакова из Ставрополя, Витя Сергеев из Свердловской области, Оля Коротева из Новокузнецка, Надя Хохлова со станции Колодезная и все-все ребята, чьи имена я не смог здесь назвать из-за нехватки места, — С НОВЫМ ГОДОМ ВАСИ! Спасибо за письма, стихи, юморески, рисунки. Многие из них будут напечатаны в наступающем году. Следите за рубрикой ВЕСЕЛАЯ ПОЧТА.

ВЕСЕЛАЯ ПОЧТА

...Маринка Курочкина начала перед сном детективов. И вот — агент по кличке Фрукт и резидент господин Кнабе с опытной шпионской таксой Ав наступают Маринку во время сдачи норм ГТО. Еще мгновение — и она окажется в мешке, и тогда исполнится завет-

ная мечта соседа ее по парте, двоюродника Мишки, которому надоела ее постоянная опека... К счастью, это был всего лишь дурной сон.

Сочинила эту историю восьмиклассница из Томска Лена Кулешова. И не просто сочини-

ла, а красиво оформила в виде книжки с картинками. Лена — редактор классной стенгазеты, сочиняет рассказы, сказки, песенки и стихи, любит спорт и играет на скрипке. Она — старый друг нашего журнала: ее пионерское звено участвовало в экспедиции «Гидрограф» и было награждено грамотой.

Я надеюсь, что Лена сочинит продолжение своей истории. Хотелось бы только, чтобы действие ее происходило в школе. А пока посмотрите две картины из Лениной книжки.

Почтарик

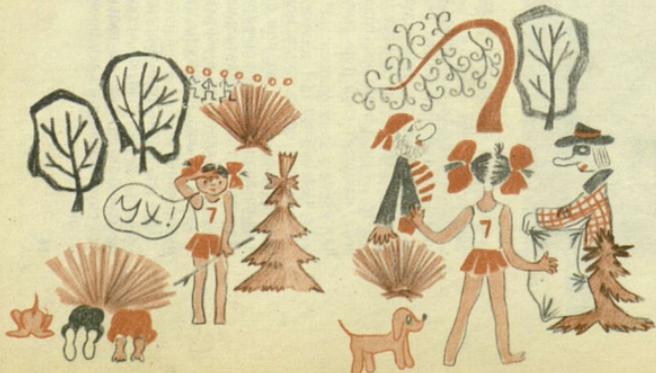
Семиклассница Ира Бунькова из Биробиджана прислала мне рассказ и даже целую повесть. Писать повести и рассказы — дело нелегкое. Ира это понимает. В толстой Ириной тетради я нашел ехидные стишки и темы для карикатуры. Рисовал их мой друг художник Г. Ковенчук.

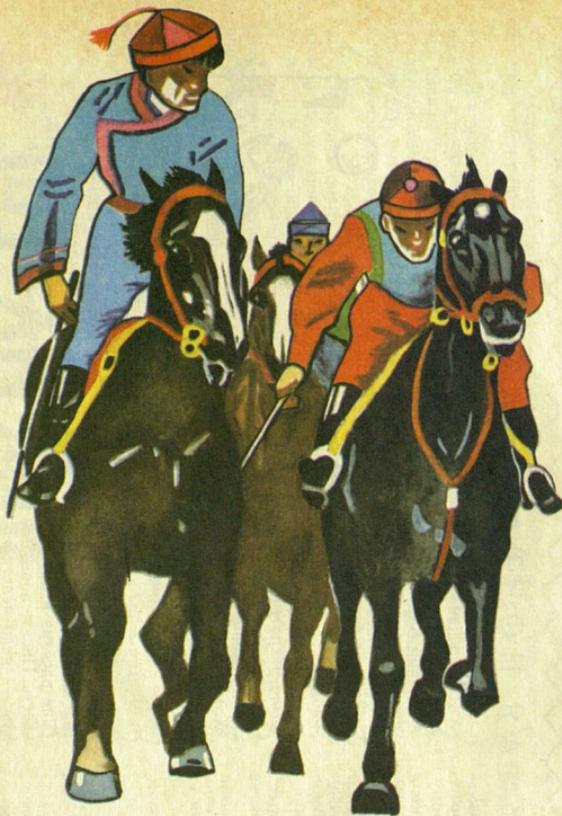
Почтарик

С Борей утром на разведку Пробираемся мы в класс — Надо всматривать стенгазетку, Если высмеяли нас...

Что за древние привычки! Как твой облик нехорош! Разлохмать свои косички, Закажи пошире клеш... Вот тогда ты мне в подруги, Может быть, и подойдешь.

МЛАДШИЙ СЫН НЕБА

Сергей Давыдов

«Младший сын неба» — это гора в Монголии.

Назвали ее так, наверное, за лазурный цвет нетающего снега на вершине, за небывалую красоту и еще — из уважения. Где-то у самой вершины, возле неба, начинается свой путь сильная река.

Ее имя Богдын-Гол.

Не боится она жгучего монгольского солнца. С шумом бежит по долине. Вода у нее хрустально-чистая, удивительная на вкус. Напешься в жаркий полдень, и всю усталость как рукой снимет!

Не зря вдоль реки Богдын-Гол тут и там белеют четкие купола юрт, похожие на только что опустившиеся на землю парашюты.

Юрты легки. За полчаса собирают их скотоводы. А когда надо двигаться в путь, еще быстрее разбирают, грузят на верблюдов — и в дорогу. На новые места, где трава высокая и сочная.

Пасутся у реки большие табуны чутких лошадей. Монгольские кони невысоки, но очень выносливы и быстры. Гривы у них коротко пострижены — такая уж здесь мода, а хвосты длинные, до земли.

А верблюды, даже когда отдыхают и пасутся, кажутся важными, замкнутыми. Может, потому, что они всегда высоко держат голову.

Топоча легкими копытцами, бегут к реке белые козы.

А вот и мохнатые сарлаки!

Монголы любят этих невысоких яков. Из ячьего молока получается такой вкусный сыр. Шерсть у яка предлинная. Слово он весь до копыт укрыт теплым покрывалом.

Мирный характер у яка. Но весной он любит подраться. А если ячата-подростки дерутся среди летнего дня — быть дождю. Верная примета.

Но для того чтобы увидеть «Младшего сына неба» и побывать в долине Богдын-Гол, усеянной горным ирисом, лиловым и голубым, надо долго лететь самолетом из Улан-Батора в город Улиастай.

В иллюминатор самолета видны то песчаные взгорья пустыни Гоби, то отроги Алтая. Я летел и думал: какое счастье, что удалось побывать в Монголии!

Я был приглашен на «Дни изящных слов». Так называют в Монголии Дни поэзии, во время которых по всей стране выступают перед любителями стихов известные монгольские поэты, а также гости из других стран. Мы выступали и перед скотоводами объединения имени партизана Чойболсана и перед учениками — пионерами новой школы-интерната, построенной для монгольских ребят Советским Союзом. Ученики, окончившие эту школу с золотой медалью, будут продолжать учебу в высших учебных заведениях нашей страны.

На газилах мы поднялись высоко в горы, к уникальным целебным источникам Отгон-Тенгер и выступали там перед жителями этого высокогорного поселка и лечашимися на курорте скотоводами.

В юрту, где мы отдохнули, пришел врач и спросил, как мы себя чувствуем на высокогорье, не нуждаемся ли в каком-нибудь лечении.

— От чего вы лечите? — спросили мы врача.

— От всего!

— Этого же не может быть!

— Идите за мной. Увидите сами.

И он показал нам более скоро горячих источников.

Таблички извещали, от чего лечат источники:

«От плохого сна».

«Для промывания правого глаза»,
«От нервов».
«Для аппетита».
«Для промывания левого глаза».

«Для бодрости».
«От большого аппетита»...
От всех болезней лечит природная лечебница!
«Дни изящных слов» — большой праздник.

В честь праздника в Монголии устраиваются состязания. Состязаются в борьбе, стрельбе и скачках.

Я видел борьбу и скачки. Борются на стадионе или в зале. В три круга. В последний круг удаётся выйти только самым сильным борцам.

Борцы пользуются в Монголии огромным уважением и почетом. Их имена знают все.

Вот какие звания носят лучшие борцы Монголии:

Государственный сокол.

Государственный слон.

Государственный лев.

А самое высшее звание — завоевать его можно лишь став три раза подряд чемпионом страны — Государственный исполин.

В последний круг вышло два исполина, сокол и лев.

Набитый до отказа зал гудел. Зрители знают борьбу до мельчайших подробностей. Сейчас будет сокол бороться с исполином. А вдруг ему удастся победить? Так ведь бывает. Только очень редко!

Секунданты долго напевали в микрофоны, каждый хвалил своего борца. Широко раскинув руки, борцы исполнили короткий боевой танец.

Сокол — еще совсем молодой, горячий борец — яростно и смело вступил в бой.

Но исполин — это скала!

Уже через минуту исполин раскинул руки и начал победный танец, а грустный сокол покинул арену.

И вот сошлись два исполина! Полчаса стояли они на месте, обхватив друг друга мощными руками. Время борьбы неограниченно. До победы.

Через полчаса исполин, победивший перед этим сокола, провел молниеносный бросок и победил!

А теперь о скачках.

Скачки на тридцать километров. По степи. В жаркий полдень.

Пятьдесят всадников на быстрых, самых быстрых конях.

Легкие кони. Двух — трех лет.

Легкие всадники. Шести—девяти лет...

В скачках участвуют мальчишки и девочки.

В Монголии очень рано мальчишка знакомится с конем. В четыре года отец сажает его на коня. В пять лет он уже отлично ездит, а в шесть — может участвовать в скачках.

Один из членов нашей делегации сказал, что тоже умеет ездить с детских лет.

Ему дали коня. Он проехал несколько метров и стал слезать. Но... не с той стороны. Какой дружный смех это вызвало! Громче всего смеялись мальчишки и девочки. А потом двое мальчишек вскочили на коней и поскакали к дальним юртам.

— З а р а б о т а л а «монгольская почта!» — сказал мне со смехом наш переводчик. К вечеру весь аймак будет знать оново всаднике!

Тридцать километров с развевающимися хвостами летели по степи невысокие горячие лошади.

Шла скачка!

Целая толпа ждала на финише победителей.

Смотрели в бинокли. Спорили, чья лошадь придет первой.

Победил незаметный пегий конек. В гордом одиночестве промчался он мимо финишной черты, оставив позади себя целую группу преследователей.

Победитель — мальчишка лет семи — очень устал. Он еле

улыбаясь в ответ на приветствия и, как мне показалось, равнодушно принимал подарки.

Но потом мне объяснили, что победитель должен именно так и вести себя. Скромно. С достоинством.

Нас познакомили с отцом победителя. Вот уж кто был горд и счастлив!

— Я пасу верблюдов. Но мой младший сын выигрывает скачки на конях!

Он с такой гордостью произнес «мой младший сын», что я неловко поглядел на горную небожнюю вершину и подумал, что не в честь ли этих мальчишек она и носит такое поэтическое имя!

ОСЛЕНОК ДЛЯ ЮЛДУЗ

Александр Сахаров

РАССКАЗ

Рисунки И. Харкевича

СЛУЧАЙ

От кишлака до такыра* ни далеко, ни близко — день пути. У такыра колодец, а вокруг льют дожди, вода в колодце соленая.

Идешь в пески — бери с собой верблюдицу. Смешаешь верблюжье молоко с водой из колодца — пить можно, не пропадешь.

Весной, пока не встала жара, идет Ибадулла в пески за саксаулом — им печи топят.

Ствол у саксаула сухой, хрупкий — ударь посильней, так и треснет. Сложит Ибадулла сломанные стволы в лощине между барханами, чтобы песок не занес, а осенью до дождей вывезет.

К тому времени отליняют лисы. Мех на них зимний: густой, пушистый — вот и берет с собой в пески капканы Ибадулла, а вдруг...

Осенью пусто в песках и блестит на камнях иней. Тихо — звякнет капкан во выюке да грустно вздохнет за спиной верблюдица. Верблюдицу зовут Юлдуз, и с ней Ибадулле не везет: то домой убежит к верблюжонку, а то в капкан угодит вместо лисы — морока с ней. И без Юлдуз нельзя — вода в колодце соленая.

К вечеру показались барханы — близко такыр. Подхватил ветер, понес перекати-поле, сухой куст, а над барханом плывет что-то серое: дым не дым — и качается, дрожит.

Это акации машут под ветром ветвями — ветки тонкие, голубые.

Вот и колодец. Ибадулла напоил Юлдуз, стреножил, чтоб далеко не ушла, а по песку тени ползли и темноло. Он успел поставить

капканы и потом пил чай у костра. Засыпая, он услышал, как где-то недалеко вскрикнула в темноте Юлдуз — то ли от страха, то ли по верблюжонку.

Всю ночь дул ветер с такыра, звенел под ветром песок. Ибадулла проснулся на рассвете. Вставало солнце, и вспыхивали один за другим, горели гребни далеких барханов. В другой стороне пустая, без пятнышка равнина — Юлдуз не было.

Ибадулла осмотрел песок. След взбирался на барханы и краем такыра вел в саксаульник — туда, где стояли капканы.

— Опять в капкан попадет, — подумал он. Первый капкан был пуст. Второй стоял за длинной узкой грядой, поросшей кустом-кандымом. След жался к гряде, лез на склон иногда, — спускался вниз. Ибадулла обогнул грядку.

Впереди, в зарослях метнулось что-то, загремела цепь — он побежал.

В капкане бился, кричал, старался вырваться дикий осленок — кулан.

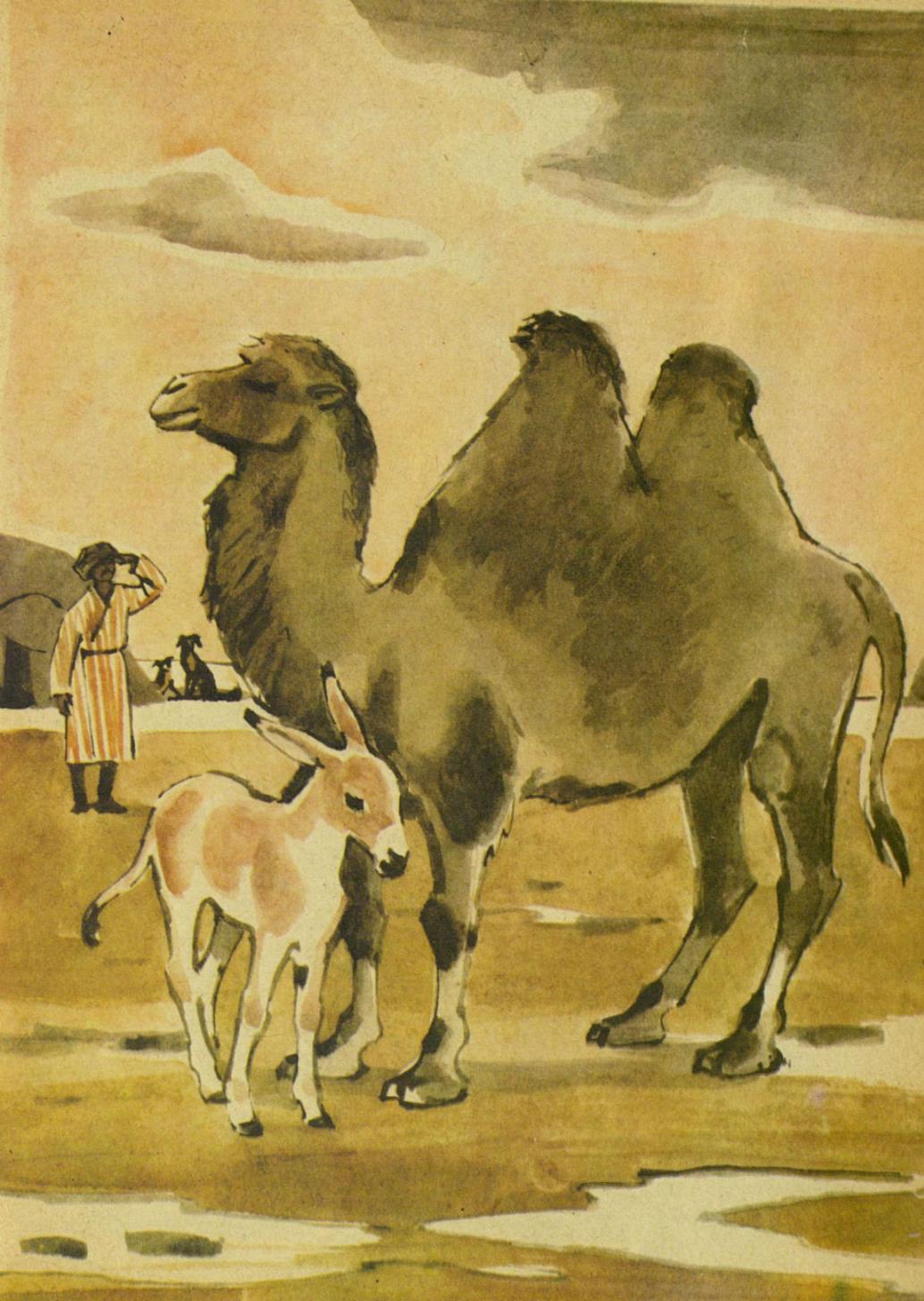
«Куланы в предгорья ушли. — дожди скоро», — догадался Ибадулла.

НА ПРИВЯЗИ

Сначала его держали на привязи, за юртой. В первые дни болела нога от капкана, и осленок лежал неподвижно — не пил, не ел.

Утром за юртой горел под котлом огонь. Осленок подолгу смотрел на красное, рыжее пламя, чувствовал, как греет оно, и вспоминал мать, алье маки в песках — огонь не пугал его. Хотелось спать.

* Такыр — ровное глинистое пространство в песках.

Приходил Ибадулла с ведром, полным воды, и... уходил. Осленок не пил — не умел из ведра.

«Зачем он мне?» — думал Ибадулла.
— Зачем он тебе? — спросил сосед.

Ибадулла промолчал.

Утром Ибадулла налушил проса в платок и отнес осленку — пусть поест, а сам ушел в юрту, чтоб не мешать.

Осленок понохал желтые круглые зерна и отвернулся. Он никогда не видел проса и не знал, что с ним делать.

Потом пришла Юлдуз с верблюжонком Булуту, изжевала платок, выпила воду в ведре и долго смотрела, как садится солнце в песок — вздыхала.

Собаки крутились рядом: ждали, когда уйдет верблюдица. Третий день они кидались на осленка, лаяли — в особенности черная тазы — борзая, — чуяла, что чужой.

Юлдуз не ушла. Она легла там, где стояла, на затоптанную солому, и Булуту лег рядом.

Ночью шел дождь, мелкий, холодный.

В темноте осленок нашел Юлдуз и прижался к теплому боку. Верблюдица вздрогнула, вскинула голову, оглянулась и замерла — уснула.

Осленок устроился поудобней. Ему показалось, что нога болит меньше.

ДОЖДЬ

Вторую неделю шли дожди.

За юртами, среди солянок бродили мокрые, черные верблюды — паслись. Осленок держался поближе к Юлдуз, хотя собак не было видно — они прятались от ветра, жались к юрте, похожей издали на баранью шапку.

От юрты ветер гнал на верблюдов дым. Осленок оборачивался, искал глазами огонь. Огня не было, а над юртой висел дым тонкой струйкой, исчезал в низком скучном небе.

Из юрты выходил Ибадулла, смотрел в небо. Ждал погоды — соль везти рыбакам на промысла, а дождь лил уже две недели: когда днем, когда ночью...

Однажды подморозило. Куда-то унеслись тучи, и горели в холодном небе блестящие звезды. До поздней ночи готовил Ибадулла выюки. Он решил идти на трех верблюдах. Без выюка — маленький еще — Булуту.

За стеной сонно заворчалась верблюдица, и влязла сразу же громко, заливаясь тазы, будто гнала в песках лису иль зайца.

«Возьму и осленка, — решил Ибадулла. — Уйдет — пусть. Зачем он мне?»

КАРАВАН

Они вышли на рассвете.

Ибадулла, а в связке за ним одnogорбый инэр, забывший от старости свое имя, Пятилеток, Юлдуз с Булуту и осленок.

Теперь спокоен Ибадулла — не убежит Юлдуз. Верблюжонок крепче веревки — где он, там и верблюдица.

Солнце вставало все выше, сушило песок. От песка поднимался туман, плавал в низинах — пекло, будто бы летом.

Ближний путь был через такыр, но Ибадулла вел караван в обход. Такыром — глина размокла под дождями — верблюды скользили бы, падали.

Свернула в барханы, и здесь привязалась ворона. Не отстает — то на саксауле сидит, то впереди по песку скачет, вроде бы дорогу указывает. Скакнет и оглядывается:

— Здесь вы?

Так и дошли до колодца.

— Дневка, — сказал Ибадулла и стал развечивать старика-инэра.

ДНЕВКА

Солончак весь в белых соленых корках-волнах, и верблюды на нем — как лодки в озере.

Хрустит под ногами соль.

Рядом с Булуту Юлдуз янтаяк ищет — верблюжью колочку. Что ей соль сейчас, осенью.

Соль верблюду весной нужна, во время линьки. Он тогда все хватает, лишь бы белое: камни, бумагу, кости — думает, соль. Пожует кость, выплюнет — не то.

Порывом налетел ветер и задул, загудел, а над солончаком взметнулся высоко в небо пыльный столб-смерч — крутится, крутится и рассыпался. Рядом другой — поменьше, и близко — вот он, а солнце не светит — шар красный, как гаснущий уголь.

Булуту прижался к матери — страшно.

Облака над солончаком вдруг тучами стали, и дождь застучал по песку, будто табун верблюдов бежит к колодцу.

До колодца не добежать.

Юлдуз бросилась рысью к тamarисковой рошце под высоким барханом и легла там на мокрый песок — Булуту под боком.

...Когда они вернулись к колодцу, Ибадулла сушил у костра выюки. У акции дремал осленок, вспоминал во сне страшную тазы — черную в рыжих подпалинах, вздрагивал.

Всю ночь Булуту жался к костру, дремал, кашлял — простыл, а утром...

Юлдуз с Булуту пропали, не было и осленка.

В ПЕСКАХ

След вился, петлял, как ручей, и вывел Ибадуллу под бархан в тамариски.

Еще издали он увидел их — Юлдуз с верблюжонком стояли бок о бок в невысоких кустах. Осленка не было.

— Ушел все-таки, — подумал Ибадулла, — зачем мы ему.

Он подошел поближе.

Булуту кашлял, качался на длинных ногах,

срывал с тамариска листья, ел — лечился. Всегда так бывает: простыл верблюд, тамариск ищет — лекарство от кашля.

Ибадулла влез на бугор и смотрел на колодец. У колодца грудой чернели выюки, а инэр с Пятилетком казались маленькими, как котята.

Внизу в кустах громко закашлял Булуди. Ибадулла оглянулся — на тебе — в тени тамарисков под пригорком спал осленок.

...В полдень двинулись дальше.

Осленок убежал вперед, вспугивал черных степных жаворонков, — в пески из степей прогнала их зима, — возвращался, шел рядом с Юлдуз. Время от времени в выюке у верблюдицы звякало что-то, звенело. Звук казался осленку знакомым, пугал его — он пробовал вспомнить и не мог.

Впереди из-за кочки заяц-толай выскочил. Замер, повел ушами, в кусты бросился — только песок брызнул. Инэр шарахнулся в сторону, чуть с ног не сбил Ибадулла, и мчит-ся куда-то. Горб над выюками болтается, как пустой матрас. За ним Пятилеток. Тюк у него съехал на бок, упал — покатился.

А Юлдуз не испугалась. Загородила Булуди с осленком, хвост крючком, скалится — зубы большие, желтые — и бьет ногой.

Ей нельзя бояться — Булуди с осленком маленькие еще. Кто их защитит?

Пока Ибадулла ловил верблюдов, стемнело и взошла луна. Юлдуз долго не могла успокоиться, топталась на месте, даже плевалась, а осленок думал:

— Ну и смелая же эта Юлдуз. Смелее тазы.

В черном саксауле громко захохотала сова и неслышно проплыла над барханом.

Теперь впереди шла Юлдуз, потому что храбрая.

Ночью страшно в песках, не то что днем.

ВСПОМНИЛ

Море шумело так, что еще за барханом слышались. Они поднялись на гребень. Внизу лежал берег, весь в белой пене, а у горизонта море было черное, как туча, и клубилось.

С камней — они думали, это пена — поднялись чайки, закружились невысоко над водой. Одна крикнула, другая.

Набегала вода к самым ногам и скатывалась назад. Осленок прятался от нее за Юлдуз. Впереди, наполовину в воде, лежало темное что-то, большое. Похожее на юрту.

На всякий случай осленок отодвинулся подалее.

Весь день шли они берегом.

Вечер застал их у мыса. Далеко за мысом садилось в море солнце, и плыла там в волнах белая птица, совсем как чайка. Только голос у птицы был другой — чайки кричали не так.

А потом птица оказалась юртой, над ней повис дым и долго таял в сумерках, а птица плыла.

Они обогнули мыс.

В бухте горел, отражался в волнах огонь и сидели люди вокруг костра.

...Сгрузили соль в сарай. Ибадулла доставал из выюка капкан. Загремела цепь. Осленок вздрогнул, отбежал в сторону, смотрел испоса — вспомнил.

— Играет, — сказал кто-то из рыбаков.

СЛЕД КУЛАНА

Утром Ибадулла не узнал бухту. Ночью шел снег, и теперь камни, бугры по низкому берегу, старый баркас у воды — все стало белым-белым, будто морская пена выплеснулась на берег и осталась так.

Ибадулла шел к скалам.

За скалами разгрузались пришедшие с моря баркасы, и там стоял третий капкан. На него Ибадулла надеялся в особенности — место хорошее: отбросы, рыба мелочь. Сюда по ночам выходили из песков лисы — так говорили рыбаки.

Капкан стоял настроженным, как и вчера.

— Это снег виноват, — думал Ибадулла, возвращаясь в лагерь.

Осленка он хватился поздно — увязывал последний выюк сушеной рыбы, чтобы идти домой. Снег стаял уже на буграх и держался кой-где на камнях, на баркасе — пусто.

— Ушел, — решил Ибадулла и вздохнул, — пусть.

Оставляя солнце на правой руке, Ибадулла вел караван к колодцу.

За барханом на узкой полосе не стаявшего еще снега чернел одинокий след кулана. Кулан шел на юг к горам.

К колодцу они пришли засветло.

Ибадулла пил чай на кошме. Потом прогреб костер, он чадил, и светились угольки на песке, как бледные цветы астрагала весной в тени под барханом.

Стемнело.

Ибадулла спал и не видел, что долго еще смотрела Юлдуз в сторону гор, куда ушел осленок, не умеющий пить из ведра, а потом вскрикнула глухо, как тогда на такыре.

Сказки эти я написал после того, как побывал в Болгарии, в Румынии и в Японии. Я слышал их там от мальчишек и девчонок. По-русски сказки я пересказал в стихах.

Владимир Торопыгин

МАЛЬЧИК-ПАХАРЬ

БОЛГАРСКАЯ СКАЗКА

Сказка о нем начинается так: жил-был когда-то мальчик-бедняк.

В поле, трудом надорвавшись вконец, рано у мальчика умер отец.

Мать заболела... В черные дни денег на хлеб не имели они...

Все их хозяйство — пара телят, — это подспорье для тех, кто богат.

Это обуза для бедняка: воз не сvezут, не дадут молока...

Слышит однажды мальчик: крестьян в круг собирают, бьют в барабан.

Сельский глашатай сельский народ в царское поле сеять зовет:

«В поле царя не растет ничего — надо засеять просом его!

Кто до заката кончит свой труд — требуй любое! — Любое дадут!

С тем, кто не вспашет, — быстрая речь: сразу — на плаху, и голову с плеч!..»

Это услышав, мальчик-бедняк взял двух телят и в повозку запрят.

«Мальчик, не езд! — плакала мать. — Царское поле тебе не вспахать!»

Мальчик поехал... Мал да удал, он на телятах поле пахал!

В полдень осталось у всех на виду сделать ему лишь одну борозду...

Царь как узнал: скоро делу конец, — так задрожал — чуть не сбросил венец.

Ясно царю, что расплата страшна... Бабку позвал он — колдунья она:

«К мальчику-пахарю срочно лети, встань, как стена, у него на пути!»

Бабка — на пашне,
Поет: «Хорошо!..»
Сонный у бабки в руках
порошок...

Мальчик забыл про себя,
про телят:
спит он...

А солнце
идет на закат...

Только телятам
не хочется спать,
стали телята
ярко распрягать.

Вот уж один
мчится в гору — герой!
Мальчика в руку
толкает второй.

Мальчик проснулся,
страхом объят,
видит он: солнце
идет на закат.

Да, не успел он
у всех на виду
сделать последнюю
борозду!..

Ну, а теленок
тропкой, меж скал,
к самому солнцу
уже подбежал,
шею короткую
низко нагнул —

маленьким рогом
солнце боднул.

Солнцу шекотно,
солнцу смешно —
снова на полдень
вернулось оно!

Вспахано поле!..
Мальчик — к царю:
«То, что желаю, —
о том говорю...»

Вспахано поле!
Просо взойдет —
пусть им владеет
не царь, а народ!»

Царь задрожал,
царь оставил престол,
царь от испуга
в горы ушел...

Мальчику-пахарю,
словно отец,
сделал подарок
сельский кузнец:
серп нержавеющей...
Жали потом
ниву народную
этим серпом.

ЧАБАН, ОСЁЛ И БЛОХА

РУМЫНСКАЯ СКАЗКА

Чабану
пора пришла
гнать к хозяину
осла.

Взял чабан
и на беднягу
положил сперва
сермягу.
На сермягу, —
сплошь из дыр, —
пять кругов —
овечий сыр.
И повесил
на бока
три бутылки
молока.

А в сермягу блоха забралась...

К ночи —
лотные,
в пыли, —
в город
путники
пришли.
Благодарен
за услугу,
снял чабан
с осла
подругу,
три бутылки
молока,
что повесил
на бока,
пять кругов —
овечий сыр —
и сермягу, —
сплошь из дыр...

А блоха из сермяги сама выскочила...

«Да, покляже —
нет числа!» —
пожалел чабан
осла.
Пожалел,
что на беднягу
положил сперва
сермягу.
На сермягу, —
сплошь из дыр, —
пять кругов —
овечий сыр.
И повесил
на бока
три бутылки
молока...

А блохе обидно, что чабан осла жалует: она думает, что, раз в сермяге сидела, значит, тоже покляжу несла...

ДВЕ БАБУШКИ И ВОРОБЕЙ

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА

Давно это было: в деревне, в горах,
две бабушки жили в соседних дворах.

К лесному ручью, что под горной грядой,
ходили они по утрам за водой.

Шла первая как-то опушкой лесной
и видит: лежит воробей под сосной.

Нагнулась, спросила она воробья:

— Подбили?..

— Подбили... Не выживу я...

Подумала бабушка: «Плохи дела!..»

И дальше своею дорогой пошла.

Вторая идет вдоль опушки лесной
и видит: лежит воробей под сосной.

Нагнулась, спросила она воробья:

— Подбили?..

— Подбили... Не выживу я...

Подумала бабушка: «Плохи дела!..»

Взяла воробья и домой отнесла.

Лежал воробей — голова под крылом —
три дня и три ночи... И ожил потом!

За горы, за лес улетел воробей...

За Месяцем солнца шел Месяц дождей...

Туман пеленой над полями повис...

Сейчас не посеешь — не вырастет рис!..

Тут к бабушке, — в дом, где обласкан
он был, —
влетел воробей и зерно уронил —

зерно не простое, такое зерно:
засеяло целое поле оно!..

А к той, что его не взяла, лишь на миг
во двор залетел: «Чик-чирик! Чик-чирик!»

Там, в Каракумской пустыне, неподалеку от селения Геок-Тепе, стоят эти три вагончика, прокаленные солнцем, иссеченные ветром и песком, промытые апрельскими ливнями. Они стоят, образуя букву «П», и в этом «П», как в кармане, на дощатом настиле, скрестив по-турецки ноги, сидят Володя Година и еще несколько

ного аула с неба во время грозы выпали лягушки и мелкие рыбки, поднятые мощным потоком ветра из Аму-Дарьи. Но это, как говорится, бог послал.

В пустыне Кара-Кум не до рыбы!

Огромные пространства суши, на которых разместились бы Австралия, Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Португалия и Швейцария вместе взятые,

сов. Человек хочет напиться, сварить мясо и чай, вымыться, постирать — да мало ли.

Но и соленую воду достать, чтобы напоить овец, тоже проблема. Поэтому их поголовье сокращали. Представляете — сознательно сокращать поголовье ценнейших каракулевых овец.

Но дело не только в этом.

Пропадали огромные масси-

Владимир Арро

парней из его бригады и едят уху из наловленной только что рыбы.

Неподалеку, в небольшом водоеме стучит, колотит, беснуется великий пожиратель пустыни — земснаряд.

Две собаки лежат на песке, терпеливо дожидаясь своей доли.

Кто-то говорит:

— А вот спутник полетел.

Все смотря в небо, но скорее по привычке, из вежливости. Спутники — не новинка, за ночную вахту они не один проведут глазами. И вообще теперь никого ничем не удивишь. Но откуда в пустыне рыба?

Уж чем-чем, а рыбой в этих местах пахло меньше всего. Я думаю, что многие жители пустыни и запаха ее не знают.

Правда, однажды возле од-

лишены питьевой воды — какая несправедливость!

Воду здесь добывают с большим трудом и искусством. Некоторые колодцы бывают глубины до двухсот метров.

Воду, выпавшую в виде дождей, собирают в специально открытые и оборудованные хранилища — сордобы.

Воду возят в бурдюках на верблюдах, в бочках на машинах, в цистернах на поездах.

И все равно не могут утолить жажду пустыни.

Овцы, которые дают здесь, под жгучим солнцем, особый каракулевый завиток, те кое-как приспособились — пьют соленую воду. Верблюды — тоже пьют соленую воду или вообще не пьют. Это их дело.

А человек хочет пресной холодной прозрачной водички. Ведь человек этот живет не на простой земле, а на песке, который летом нагревается до семидесяти пяти граду-

вы плодородной земли. Пропадало самое длинное и самое солнечное лето. Без полива здесь ничего не могло вырасти. **А плодородная земля + южное солнце + вода это, как известно, = хлопок. И не простой хлопок, а самый драгоценный — тонковолокнистый.**

Вот какие вставали проблемы. Но и это еще не все.

На западе пустыни, там, где она выходит к Каспийскому морю, в недрах земли, когда хорошо поискали, не нашли ни капли пресной воды. Зато нашли: нефть, газ, йод, бром, сульфат натрия. В других местах пустыни искали, тоже не нашли ни капли пресной воды. Зато нашли нефть, газ, мирабилит, свинец, серу. Нефти и газа нашли в пустыне столько, что Туркмения теперь стала одним из самых крупных нефтегазовых районов нашей страны.

Но как же это все освоить

без пресной воды? Самые дорогие вещи природа дала, а воду припрятала.

Возили (и сейчас возят) пресную воду в танкерах с того берега Каспия. Стоит она, эта вода, от полутора до четырех рублей за кубический метр. А надо ее Краснодарску, Небит-Дагу, Челекену 700 кубометров в сутки. Ничего себе водичка получается. Прямо какое-то «водное золото».

Опресняли (и сейчас опресняют) морскую соленую воду. Стоит это один рубль за кубометр. Тоже дорого.

Тогда люди перевели свои взоры с запада Туркменской республики на восток, туда, где мчится, сметая все на пути, сумасшедшая и многоводная река Аму-Дарья. Прикинули — одна тысяча четыреста километров до нее. Далековато.

Но зато кубометр воды, доставленный на Запад, будет стоить от четырех до тридцати трех копеек.

И вот решили строить канал, вести воду Аму-Дарьи через всю пустыню. Начали строить его двадцать лет назад и теперь прошли уже почти 900 километров. Для таких суровых условий труда это очень быстрые темпы.

Когда начали рыть канал, Володя Година еще был пастушком в украинском селе. Но и на его долю работы хватило. Вот он со своей бригадой сооружает Копет-Дагское водохранилище.

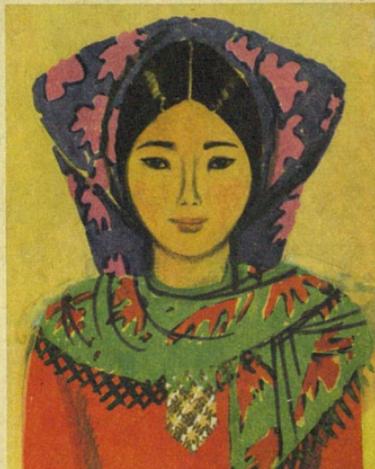
Зачем понадобилось на трассе канала водохранилище? Пятьсот миллионов кубометров воды, которые накопятся в Копет-Дагском водохранилище, застрахуют канал от любых капризов природы — отворяй, знай, да затворяй водовыпускное сооружение.

Чтобы удержать такую уйму воды, нужна плотина. Ее-то и строит Володина бригада. Но строить — это не очень точное слово. Точнее — намывает. Чтобы объяснить, как все это происходит, Володя посадил нас в баркасик и повез к земснаряду.

Землесосный снаряд находился в таком уюении от свое-

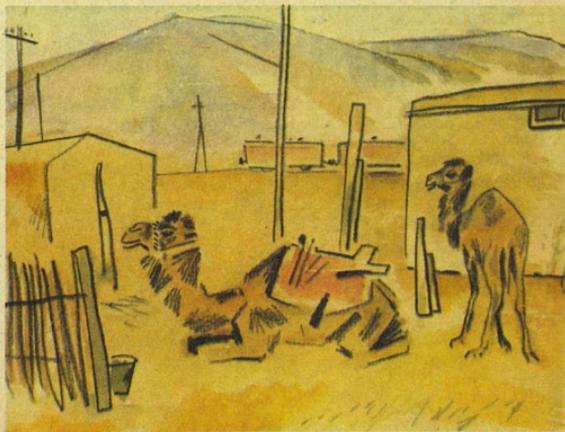
Строительство
Копет-Дагского
водохранилища

Ясольтан Аширова,

секретарь
Марыйского
райкома комсомола

Поселок Геок-Теле
Верблюды

Школьника Гедайдурды Жуманьязова уже можно назвать хлопкоробом. Он все лето работал вместе со взрослыми колхозниками.

го дела, что каждая железочка на нем дрожала.

Стараясь перекричать грохот, Володя показывал то туда, то сюда, то совсем махал рукой куда-то в пески. Я так ничего и не разобрал, пока не вошел в будку машиниста. Там дежурил парень по имени Илгельды.

Илгельды нажал на один рычаг, и из воды стал медленно подыматься какой-то хобот. Вскипела вода, а конца хобота все не было видно. Потом вода вслучилась, и из нее прямо на берег ударила мощная струя. Наконец хобот весь показался. У него было красивое название — гидромонитор. Там, на дне, эта струя размывает песок, смешивает его с водой, превращает в пульпу. А другой хобот с невзрачным названием «сосун» пульпу заглатывает. Сосун с наслаждением жрет эту пульпу сутками, месяцами. Но куда же он ее деваает?

Тут все просто: от земснаряда тянутся мощные трубы пульпопровода. В нем под высоким давлением пульпа пробегает полтора километра и вскидывается вверх. Вода по особому водоводу уходит обратно, а мокрый песок остается, тяжело оседает, образуя тело плотины.

Я сначала удивился — что построить из песка? Ведь его размоет. Но потом, когда мы стояли на гребне плотины, увидели ее габариты, все стало ясно. Никак ее не размоет. В основании эта гряда имеет ширину 135 метров! Уходя вверх, она понемногу сужается.

Мы стояли на высоте одиннадцати метров.

Конечно, не одна Володина бригада ведет кругосуточную вахту на водохранилище. Ведь плотина тянется на 15 километров. Ее намывают двенадцать земснарядов, двенадцать бригад.

Каракумский канал, можно сказать, изменил географию этой части земли. Виданое ли дело — ледоход в пустыне! Виданое. В 1969 году здесь слу-

чился ледоход огромной разрушительной силы. Лдины, выросшие за зиму в полтора метра толщиной, навалились на дамбы в районе поселка Захмет. Вода из канала могла хлынуть в Кара-Кумы, уйти навсегда в пески. Вся техника, какая была на канале: самоходные баржи, теплоходы, буксирные катера стали колотить и переламывать лед. Наконец, сбросили по специальному шлюзу в пустыню.

Множество всяких чудес появилось вдоль трассы канала: чайки, лягушки, комары.

Но главное, конечно, не это. Пришла вода, и появились сотни тысяч гектаров новых хлопковых полей, миллионы гектаров орошаемых пастбищ, сады, бахчи, огороды, поселки, города, рыболовецкие артели, пристани...

Когда летишь в самолете над трассой канала, видишь эту широкую, веселую ленту оазиса. От главного русла в разные стороны расходятся каналы поменьше, потом и они ветвятся, линии их причудливо ломаются, сверкают на солнце кинжалными вспышками.

И вдруг все пропадает. Цвет земли внизу резко меняется. Бледно-желтые пески, волны барханов, клочки растительности, чабанские тропы. Здесь еще нет воды.

Мутную, кофейно-молочную воду Аму-Дарьи в пустыне ждут, как чуда. Да она и есть чудо. Ее торопят, ей помогают. Колхозы, которым не терпится увидеть на своих землях речной берег, посылают на строительство механизаторов.

Рассказывают, как один человек так обрадовался, увидев возле своего дома воду, что даже сына назвал Каналгельды, что означает: канал пришел.

Люди, которые едут с запада республики по делам на Карабад, непременно завернут на канал, чтобы своими глазами увидеть, как он растет.

Комсомол держит эту стройку на особом прицеле. Она объявлена Всесоюзной ударной. Работы впереди много. Еще, может, и вы успеете.

Ковровая фабрика в г. Мары. Здесь изготавливают знаменитые на весь мир текинские ковры.

АДСКАЯ БОМБА

РАССКАЗ

Сначала давайте договоримся: тут будут такие страшные страхи, такие ужасы... Что не для всякого. Заглавие само подсказывает — адская бомба! Итак, я предупредил, теперь моя совесть чиста — пусть дальше читает только тот, кто уверен в себе.

Бомба еще не грохнула, но это может произойти в любую минуту. Будьте наготове! Сейчас она находится — где бы вы думали? — ...за пазухой у Ради Карадушева! Представляете, каково ему? Но надо же рассказать, как она там очутилась...

Однажды сельский староста созвал в общину тех, кого считал самыми благонадежными, и сообщил, что в Дыбраве замечен партизан. Подозрительный едва волочил ноги и отдыхал через каждые два шага. Староста предложил немедленно снарядить погоню, но предусмотрительные крестьяне посоветовали не торопиться, не рисковать. Разумнее вызвать из полицейского участка или гарнизона вооруженные силы, а то, если дело провалится, еще и отвечать придется... Другие же прямо заявили, что если верить всем донесениям о партизанах, партизан в лесу должно быть больше, чем деревьев... Отсутствовал самый опытный в таких делах человек. Этим человеком был Ради Карадушев, свояк старосты, самый богатый в селе и потому — самый уважаемый и самый умный. Но уже два дня дома не знали, где он:

в город ли уехал или ушел в свинарник, что находился на ближайшей горе.

В тот момент, когда староста уже хотел распустить собрание, дверь отворилась и вошел Ради. Он постоял, послушал, досадливо поморщился и сказал: пора отправляться по домам поить и кормить скотину. Все быстро повскакали с мест и, довольные, молниеносно исчезли.

Ради задержал только самого старосту и молодого учителя, все время сидевшего молча, с опущенной головой. И выждав, пока затихнут последние шаги в коридоре общины, сказал:

— Вы тут языки чесали, гадали, есть ли в Дыбраве партизан или нет, а я его поймал!

— Разыгрываешь нас! — не поверил староста. — Ведь тебя же не было два дня!

— Это для вас — не было. По-вашему, надо было всему селу объявить, что я отправился ловить партизана? Я два дня подкарауливал его около свинарника и в конце концов схватил.

— А он жив? — спросил несколько растерянный молодой учитель.

— Конечно! Да и зачем он мне нужен мертвый? Разве может мертвый рассказать, кто в селе помогает партизанам? Теперь-то уж я узнаю, кто из наших замешан в этом деле!

— Да не смейся ты над нами! — повторял староста, изумленный неожиданным сообщением.

— Сейчас не время для болтовни, — заявил Ради. — Ты, сват, найди коня, и учитель от-

* Действие рассказа происходит в годы второй мировой войны.

правится в участок. За три — три с половиной часа он туда доберется. И пусть пошлют нам только двух полицейских — достаточно. А в это время я скоренько перекушу и прямым путем обратно в свинарник. Я там оставил его на Ганчо.

— Как, и Ганчо тоже? — не понял староста.

— Да нет, нет! Ганчо только заманил его в западню... Я послал его в лес и говорю: «Ганчо, милый мой, если увидишь ослабевшего человека, и тот у тебя попросит еды, приведи его и накорми. А я ухожу в село...» А сам — за мешки! Лежу и не двигаюсь, муравьи меня до крови покусали: я не пошевелился... Ганчо поболтался по лесу и привел его наконец... А когда наелся этот партизан, начал дремать, ну, сказал я себе, Ради, теперь покажи, на что ты способен: кулаком по голове, тряпку в рот — только ему и нужно было! — да бегом в село! Теперь слушайте: сват и ты, учитель, держите язык за зубами! Чтобы ни одна душа не узнала до завтра! Учитель, садись на коня и — напрямик, через поляну. Утром должны быть на месте.

Утром к свинарнику пришли полицейские. И к величайшему удивлению обнаружили, что Ради еще нет. Они решили, что один останется при арестованном, а другой прямой дорогой отправится в село и разузнает, что случилось с Ради.

В лесу полицейский ничего не обнаружил — на тропинке не было никаких свежих следов, — но когда вышел на обшинное пастбище, до него донесся какой-то стон. На цыпочках он сделал несколько шагов и, что вы думаете, увидел? Под кустом лежит на спине Ради и плачет.

— На по-о-мощь! Кто тут есть? Помогите!

— Ради, не так громко, что ты кричишь, я же тебя слышу! Это я, Саздов, из участка. Уж не пьян ли ты?

— Саздов, брат! Не пьян я... Я заряжен адской бомбой... Помогите, друг...

Полицейский застыл на месте:

— Что ты говоришь? Где ты взял такую бомбу?

— Адскую! Подойди поближе, я тебе объясню, сил у меня больше нет... Спаси меня, Саздов! Да подойди же сюда...

— И отсюда хорошо слышно. Ну, и что, говоришь?

— Бомба... Вчера вечером я направился к свинарнику, — начал объяснять Ради, — в темноте... двое прыгнули на меня откуда-то сверху. Завязанные, замаскированные... Повалили меня... связали... Зарядили адской бомбой... Из-за партизана... Если пошевелюсь, все равно взорвусь... А если и не пошевелюсь, все равно взорвусь через двадцать четыре часа... Ты слышишь, Саздов?

— Продолжай, продолжай... Так она, эта адская бомба, с часовым механизмом? — догадался полицейский.

— С часовым! — подтвердил Ради. — Тикает, как будильник. Который теперь час?

— Половина девятого.

— Половина девятого? Ну что же ты, Саздов?! Я помощи жду, помощи!

— Без паники! — сказал полицейский. — Окажем тебе помощь. Дай сначала сориентироваться, разобраться в обстановке.

— Ох-ох! — застонал Ради. — Пока ты ориентируешься, я на небо вознесусь. Связан... И руки и ноги... Вережками. Если шевельнусь — взорвется, адская. И не шевельнусь — тоже взорвется! Так они мне сказали.

— А что они еще тебе сказали? — поинтересовался полицейский.

— Забыл. Сказал один, что все в записке написано, а она на грудь мне приколата.

— Прочти, что написано!

— Не могу я голову поднять, потому что и через шею веревка... Подойди, прочитай!

— Вот дело-то какое, я ходил в школу только до третьего класса, да и то когда был маленьким...

— Беги скорей, Саздов! — заревел в отчаянии Ради. — Приведи грамотных людей! Может, в записке сказано, как меня спасти... Ой-ой-ой! Машинка затикала быстрее!

Полицейский отскочил подальше.

— Слушай, — сказал он. — Решаю так: пойду в село и подумаем, что делать. Нужно вызвать из округа или из гарнизона специалиста, чтобы тебя разминировать.

Через час-другой он возвратился на поляну вместе со старостой, молодым учителем и несколькими крестьянами. Еще издали услышав голос старосты, Ради закричал:

— Сват! Пришли?

— Пришли, — ответил ему староста с достаточно большого расстояния, потому что полицейский остановил всех, чтобы по неосторожности не взорвали бомбу. Еще по пути он объяснил, как заряжаются эти бомбы, и предупредил, что трава вокруг, наверное, оплетена проволокой, которая связана с механизмом.

— Мы здесь, — продолжал староста, — но

мы будем стоять вдалеке, чтобы тебя не взорвать. Пока мы вдалеке, можешь быть спокоен, что ничего с тобой не случится.

— Для того только и пришли, чтобы посто-
ять вдалеке? Посмотреть, как взорвусь? — про-
стонал в отчаянии Ради.

— Нет, не смотреть, сват, — успокоил его староста. — Нас много, будь спокоен, выше голу-
лову!

— Не шевели головой! — предупредил поли-
цейский. — Не натягивай веревку!

— Долго ли мне еще ждать? Когда придет
ваш специалист? Который теперь час?

— До взрыва еще уйма времени: и прияти
уснет, и уйти, — успокоил полицейский. — Ти-
кает эта штука?

— Все тикает. Оглох уж от нее.

— Пусть себе тикает спокойно, — посовето-
вал полицейский и объяснил присутствующим.

— Как только он мне сказал, что тикает, я
сразу понял — адская бомба. От одной взлета-
ет на воздух целый состав. А от человека — и
следа не найдешь.

— На беседу, что ли, собрались, сват? —
застонал Ради.

— Спокойствие, сват! Знаю, что тебе нелег-
ко. Ты постарайся заснуть — так время прой-
дет незаметнее.

— Посмотрел бы я, как бы ты заснул на мо-
ем месте!

— Записка на месте? — осведомился полицейский.

— Господин полицейский! — вмешался молодой учитель. — Может, нужно прочитать?

— Я думаю, учитель, что среди нас неграмотных нет, — прервал его важно полицейский. — Подождем специалиста. Если взорвем бомбу, тут живой души не останется, некому доложить будет, что и как происходило.

Оставалось только ждать.

Наконец, приехал верхом на коне специалист. Он отогнал публику дальше и начал расспрашивать совсем потерявшего силы Ради.

— Пострадавший! Отвечай на мои вопросы точно! Одна ошибка — и полетишь ко всем чертям! Где заложена бомба?

— Под одеждой.

— На каком точно месте?

— На животе.

— Ты чувствуешь ее тяжесть? Сколько, по твоему, в ней килограммов?

— Десять, а то и двадцать — очень уж тяжело.

— Не можешь ли точнее определить вес?

— Нет у меня весов на животе... Давит, как камень, как большой камень.

— Чрезвычайно крупного калибра — супер, — определил специалист. — Кроме веревки, ничего другого не замечаешь?

— На шею чувствую тяжесть. И под мышками. Что-то мне грудь перехватывает, как ремнем. И будто шипы впиваются в тело.

— Неизвестная система, — сказал специалист. — Нужно вызвать человека из Шуменского гарнизона. С такими штуками мне дела иметь не приходилось. Пошлите кого-нибудь в Шумен!

— А возможно, чтоб она истощилась, как аккумулятор в радио? — спросил Ради. — Мне кажется, уже не тикает... Не может ли выветриться?

— Это адская машина, а не тертая репа, чтобы выветриться. Люди находят снаряды и пули времен турецкого рабства, а как стукнешь по капсулу — взрывается, а ты...

От объяснений оружейника Ради просто как с ума сошел. Начал болтать всякие глупости: то звал свата вытереть пот с лица, то просил дать воды или сделать тень, то начинал кричать, чтобы никто к нему не приближался. Только когда оружейник предупредил, что бомба может взорваться и от сотрясения воздуха, Ради замолчал.

Оружейник и полицейский, посоветовавшись, заявили: единственное спасение — привести человека из Шуменского гарнизона. Но до взрыва не успеть добраться до Шумена и возвратиться обратно.

Тогда вмешался молодой учитель:

— Пока тратим время на бесплодные разговоры, потеряем всякую возможность спасти человека. Нет больше сил смотреть, как он мучается. Нужно любой ценой прочитать записку.

Не ожидая согласия полицейского, молодой учитель смело направился к Ради.

Все спрятались: кто за дерево, кто за камень или в яму — за долю секунды поляна опустела.

Когда минут через десять послышались вблизи шаги молодого учителя, люди своим глазам не поверили, что он цел и невредим.

— Послушайте-ка, и надо решить, что делать, — сказал учитель. — Читаю: «Во-первых, адская бомба взорвется точно через двадцать четыре часа после установления ее на объекте. Во-вторых, жизнь предателя можно искупить только свободой задержанного партизана. В-третьих, если задержанный будет освобожден, предатель будет разминирован. Условие: окрестности должны быть очищены от полиции, соглядатаев и любопытных. Мы держим под прицелом каждое дерево и каждую ямку. Смерть фашизму, свободу народу!»

Долго никто не мог проронить ни слова. Только вопли Ради сотрясли воздух:

— Сват! Сзавол! Немеделенно отпустите того парня! Он неплохой паренек, хоть и с высшим образованием... Отпустите под мою ответственность... Я его поймал, я имею право и распоряжаться им...

Присутствующие приободрились. Староста заявил, что условия сразу должны быть выполнены: из-за какого-то тощего партизана, и к тому же с высшим образованием, — да и неизвестно еще, настоящий ли он партизан, — не по-христиански жертвовать человеческой жизнью и оставлять сиротами троих детей. Ради имеет заслуги перед государством, и его жизнь надо ценить... Да и селу от него польза, потому что к голосу такого богатого человека прислушиваются в самой Софии. Полицейский, однако, не соглашался: пойманный ни в коем случае не может быть освобожден, потому что полиция тогда была бы обманута, а она не для того, чтобы ее обманывали. Не поколебало его и заключение, что это равносильно смерти Ради — великого патриота. Взамен его жизни, возразил он, мы получим другую жизнь, и таким образом государство ничего не потеряет. Наконец, сказал он, если я соглашусь, а мой коллега не согласится, — кто сможет ему заткнуть рот?

— Сват это сделает, — ответил староста. — Даст в руку.

— Сколько? — заинтересовался полицейский.

— Сват! — незамедлительно закричал староста. — Сколько дашь, чтобы заткнуть рот полицейскому?

— Пятьдесят тысяч!

— Вешь рот-то не один!

— И другому столько же.

— Но есть еще человек, которого вы побеспокоили! — позаботился полицейский об оружейнике.

— Ну, обо мне в последнюю очередь... Я человек сговорчивый, — скромно сказал оружейник.

— Сват! — опять закричал староста. — И третий еще есть.

— И ему сколько другим! Обдирайте меня, я в ваших руках, обдирайте. И задержанному, если пожелает, и ему дам, только бы поскорее... Теперь каждый может меня обдирать...

С этого момента, благодаря энергичным действиям полицейского, события развивались с молниеносной быстротой: прежде чем разойтись, все дали клятвенное обещание хранить случившееся в полной тайне. Было решено доложить начальнику участка, что поймали не партизана, а обыкновенного нарушителя, который пришел в лес срубить контрабандой дерево. Полицейский в сопровождении молодого учителя отправился к свинарнику, чтобы освободить партизана.

Осечка, однако, получилась там, где меньше всего ожидали: партизан отказался идти в лес. «Я, — заявил он потрясенным полицейским, — должен быть застрелян открыто, а не в спину. У меня достаточно мужества смотреть смерти в лицо...» Заверения полицейских, что его отпускают на свободу, были впустую. В лачугу уweichen партизана пришлось направить молодого учителя.

— Не пытайся что-либо понять! — прошептал учитель изумленному партизану. — Нет времени для разговоров. Самое главное — ты спасен. Немедленно выходи и исчезай. До завтрашнего утра никто тебя не будет преследовать.

— Мне не ясно твое участие! — сказал партизан.

— Потом разберешься... Выходи скорей, а то еще заподозрю. Направление — роща. Там подождешь. Господин полицейский! — закричал молодой учитель. — А его оружие где?

— Пусть забирает и выметается! — распорядился Саздов.

— Выпало ему счастье, что отпускаем, так еще и с оружием! — возразил другой полицейский.

— Так мы же ведь дровосека поймали, приятель! — грызнулся Саздов.

Через несколько минут партизан скрылся между деревьями.

А в это время на поляне оставался только староста — надо было кому-то разговаривать с Ради и успокаивать его. Несмотря на настоячивые советы старосты, сват его заснуть не мог, а когда начало темнеть и приблизился роковой миг, Ради снова охватило отчаяние. Он плакал, умолял не покидать его одного в темноте, но староста не поддавался на уговоры и, как только загорелись в селе первые лампы, оставил свата наедине с неизвестной судьбой...

Утром полицейские, староста и молодой учитель отправились на разведку. На лобной поляне их встретила мертвая тишина. Молодой учитель первым заметил, что Ради лежит на том же месте. Полицейские нацелили автоматы в сторону леса и сделали учителю знак двигаться вперед. Но как ни напрягали слух, кроме легких осторожных шагов учителя, они ничего не слышали. Староста, сидя на земле, вытирал слезы: ожидал печального известия, что со сватом все кончено. И если он не взорван, то наверняка зарезан, как праздничный ягненок.

— Бай, Ради, — раздался в тишине голос учителя, — ты жив?

— Нет! — едва-едва пролепетал заряженный бомбой.

— Как же не жив, если говоришь?

— Говорить-то могу, но все же я, наверное, умер.

— Ночью кто-нибудь приходил тебя разминировать?

— А?

— Как с адской бомбой? Она что — на старом месте?

— Я ее не чувствую больше... Ничего не чувствую... Я теперь бесчувственный труп.

— А что торчит из-под твоего пиджака? Что это?

Оба полицейских и староста немедленно легли и прикрыли головы ладонями.

Тем временем молодой учитель наклонился и вытащил из-под одежды Ради тяжелый, красный, хорошо обожженный, самый обыкновенный... кирпич. Пока полицейские и староста прижимались к земле, прикрывая головы, а Ради, лежа с закрытыми глазами, ловил воздух потрескавшимся от жажды ртом, молодой учитель ласково гладил кирпич и усмехался в усы.

Перевела с болгарского Э. Дурьгина

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ

Вертолет идет на снижение. Внизу проплывают нависшие над бухтой скалы, а за ними открывается совершенно сказочный лунный пейзаж. Вспыхивая круглыми окнами-иллюминаторами, стоят на тонких ножках желтые, зеленые, голубые домики-скорлупки. Каждая скорлупка похожа на большой выпуклый диск, а вместе — они как стая фантастических летающих тарелок, приземлившихся на склоне после долгого перелета.

С другой стороны бухты — необычной формы многоэтажные конструкции, словно вырастающие из расщелин скал.

С вертолета можно рассмотреть площадки-палубы на каждом этаже; впереди — дозорная башня, внизу — причал. Каждая секция — как мачта парусника, а вот и звенящие на ветру стальные ванты-лесенки. Кулы деревьев, перелетевшие выходящими растениями, спускаются к заливу. Зеленые лужайки расчерчены оранжевыми дорожками. Они вытисы вокруг построек и искусственных водоёмов, перебегают через горбатый мостик к площади. Здесь на холме к четырем массивным высотным белым опорам подвешена громада серебряного куба.

Приведем наше воображаемое путешествие...

— Это — будущий Дворец пионеров, — говорит архитектор Игорь Борисович Мальков.

— В этом «серебряном кубе» тысяча двести ребят смогут послушать

концерт или посмотреть фильм. Здесь можно будет посидеть с книгой или сыграть партию в шахматы. Там будет репетировать пионерский кукольный театр. Рядом — станция юных техников, а по соседству разместится лагерьный вычислительный центр, где ребята с помощью ЭВМ проложат маршрут морского путешествия.

Посмотрите на карту: вот Уссурийский залив, а здесь, на живописном морском берегу, скоро начнет строиться Тихоокеанский пионерский лагерь.

Этот макет тихоокеанского Пионерграда сделали в ленинградском институте. Отдыхать и учиться в этих лагерях Страны Пионерики съедутся ребята с Дальнего Востока, с Севера, из Сибири и Казахстана, ребята строители БАМ.

До начала проектирования бригада изыскателей, архитекторов исколесила тысячи километров, пока не «открыла» этот уголок земли, где тайга, лесистые сопки и море, — рассказывает архитектор Геннадий Васильевич Шохов. — Мы побывали у моряков Тихоокеанского флота, рассказали о будущем Пионерграде. Дружине «Мореходная» шефы не только подарили шлюпки и катера, но вместе с ребятами пойдут в плавание. А пограничники взяли шефство над пионерской дружиной «Пограничная». Как видите, рабочее место архитектора — это не только чертежный стол.

А когда пролетит пионерское лето, когда медно-красные листья кленов расцветят тайгу, опустеют домики «Спортивного», станет на причол флот «Мореходного», в Пионерграде начнут работать зимние лагеря: «Научный», «Океанический» и «Краеведческий».

Зимой замерзнет залив, но забот у ребят из дружин «Океаническая» и «Научная» не убавится. Вместе с учеными Дальневосточного научного центра Академии наук СССР ребята будут изучать жизнь редких рыб и водорослей в океанариуме — гигантском аквариуме. А сколько новых экспонатов найдут следопыты дружины «Краеведческая» для своего музея.

На макете Страны Пионерики — Дворец, летний театр, плавательный бассейн с морской водой, стадион, океанариум... Но в центре пионерского парка осталось одно «белое пятно». Проектировщики решили создать городок чудес. Но вот каким он должен быть — пока секрет.

А что, если все наши читатели подумают, пофантазируют и придумают аттракционы для городка чудес? Спроектируют свой городок чудес и пришлют проекты в «Костер»?

ЦК ВЛКСМ одобрил проект ленинградских архитекторов и объявил стройку Всесоюзной ударной комсомольской, а это значит, скоро прозвучит горн и над тихоокеанским Пионерградом зовьется алый флаг.

В. Тузов

... Оу результатов труда земледельцев во многом зависит достояние народа, богатство страны. Этот труд всегда будет почетным и благодарным. И мы рады, что вы, юные друзья, и ваши ближайшие олимпы являетесь в славленную армию трудящихся социалистической деревни».

Из письма
Генерального секретаря ЦК КПСС
Людмила Павлова БРЕЖНЕВА
участнице Всесоюзного Слета
младшеи ученической
производительской бригады

СТАРШИЙ БРАТ

Л. Пожидаева

На карте Ивановской области рядом со знаменитыми Шуей и Палехом Лух — совсем незаметный кружочек, а Лубеньки и вовсе нет, мильчишка деревенька, даже точкой не обозначена.

От Луха до Лубеньков километров пятнадцать, не больше. Стою на автобусной остановке, жду автобуса. Час стою, два стою, размышляю: «Интересно, какой он из себя Паша Солодов, школьник, награжденный медалью «За трудовую доблесть?»

Мимо бегут из школы мальчишки и девочки. В Захарово, Макариху, Федоровское, Заболотье. В одной руке портфель, в другой — хозяйственная сумка или бидончик. Заболтаво прячут от дождя авоськи с буханками хлеба.

Бегут стойкой, о чем-то переговариваются. Запомнилось все как одним поздравлением: хоть видели меня первый раз в жизни. И повезло чем-то родным от этих незнакомых мест, и стоять на размытой от дождя дороге стало уютно не так зябко и неуютно.

Прошел час. На дороге показался трактор с прицепом.
— Куда вам? — кричит мужчина в вапнике.
— Автобусов не будет — распутица! Если в Лубеньки, садитесь, поведу.
— В Лубеньки, — отвечаю и забираюсь в кабину.

По дороге приглядываюсь к водителю. Молчит, видно, не из разговорчивых. А на машину, кажется, и вовсе не обращает внимания.
Здорово, — говорю, — это и так получается. Такое впечатление, словно трактор сам идет без вашей помощи.

Обыкновенно, — отвечает водитель. — Двадцать лет на тракторах. Разные машины перевидал. Не только я к ним, но и они ко мне привыкли.

Спрашиваю:
— А вы Пашу Солодова знаете? Он тоже из Лубеньков.
И слышу в ответ:
— Это мой сын...

В семье Солодовых было легко и удобно говорить, спрашивать, думать. Есть такое выражение ученого — «здоровый микроклимат». У Солодовых микроклимат здоровый не зависть. Это видно даже в мелочах. Например: родители на работе задерживаются допоздна, а в доме все равно чистота и порядок.

Галина Яковлевна Солодова поясняет: «Так уж повелось... Домашние дела — то Наташа, то Паша — младшая сестра Павла, пятиклассница. Я целый день на ферме. Отец тоже с утра до вечера в поле, тракторист он.

Вот Наташа и старается. А Павел? Он всегда насчет дров, да и воды принести не забудет. Напоминать не приходится, помнит. После шестого утра встает в большую, на тракторе...

— А Павел-то где! — вступает в разговор Семен Васильевич. Но вопрос адресуется только одной Наташе.

— Забегал. Рубашку белую надел. Пошел на вечер совхознатики. Поздно придет...

— Так, так, — произнес отец, видимо, довольный ответом.

— Первый год, когда Паша с отцом на комбайне работать стал, — продолжила Галина Яковлевна, — лето было дождливое, плохое. Семи знает, как полеглые листья убирать. Трудненько. Возвращались поздно вечером. Черныш-пречерныш с лица...

— Уговору нас с ним был, — сказал Семен Васильевич, — чтобы сразу признался, как устанет. Но ни разу так и не занялся...

Тут зашаркали ноги по разостланному на крыльце половику, хлопнула дверь и в избу вошел белокурыи паренек.

И сразу радостные огоньки запылали в Наташинных глазах: вот, мол, какой Паша Солодов, мой старший брат.

Дождь шел всю ночь. И утром тяжелые ленивые тучи легли на крыши домов, и казалось, не могли двинуться дальше.

— Льет и льет, — сокрушенно вздыхала Наташа, поглядывая в окно. — Паша говорит, из-за дождя посевная может задержаться. Поля и дорожки залиты водой.

— Знаешь, Наташа, мне бы с братом твоим поговорить сейчас. Как думаешь, спит он или нет? — сказала я, доставая блокнот. — Хочу узнать о вашей производственной бригаде и о писмах, которые он получает.

— Спит? — удивилась сестра. — Да он ушел ни свет ни заря! Дела опять у него какие-то важные. А чего вы расстроились? Я все и расскажу. У Паши от меня секретов нет. Ученическая бригада у нас хорошая. Так все считают. Даже председатель колхоза Валентин Васильевич Волков. Он со школой трудовой договора заключает, чтобы школьники к работе в колхозе привыкали.

Потом Наташа принесла большую пачку писем, разложила их на столе и сказала:

— Это все Пашини письма. Мы иногда с ним вместе отменяем. О разном ему пишут. Вот послушайте:

«...Очень хочется работать на селе. Завидую тебе, Паша. Аниса Болтаева, Пермская область».

— И какой же ответ получишь, Аниса? — Простой. Паша не любит, когда завидуют. Паша скажет, если хочешь работать, работай. И все.

— Понятно, — сказала я. — Все понятно. И стала слушать снова...

«Мы, ученики седьмого класса, решили связаться с тобой перепиской. Наш класс каждый год работает на току. Здесь мы ощущаем запах хлеба, но — не первые, первые его чувствуют комбайнеры. Как ты добился таких успехов? Пиши нам. Саратовская область, пионерная поселка Северный».

— У них, наверное, тоже ученическая бригада, — продолжила Наташа. — Но Паша ни о каких своих успехах писать не будет. Слышно: кто же станет сам о себе говорить.

«Правильно, все правильно, — думала я, слушая Наташу, — и мне бы не стал он рассказывать о своих успехах. Хорошо, что Наташа могла. А как хорошо, что с детства эти ребята связали свою жизнь с колхозом. С детства полюбили самую простую и важную истину: Годи на это наш общий дом, и все в нем — порядок и достаток — зависит от нас самих».

У же в Ленинграде получила из Лубеньков письмо. И опять — Наташа. В первых же строчках — главная новость...

«Паша был делегатом XVII съезда ВЛКСМ. На него тепер Большой спрос. Паша и мама Паша — сюда. Работы много. Папа и тудя шлют привет».

Письмо мне понравилось. Решила показать своим друзьям. Один из друзей сказал: «Кажется счастливая девочка. Просто удивительно, какая счастливая. Если бы у меня был старший брат, я в детстве жил бы по-другому, был смелее, увереннее и всегда помнил: старший брат поможет, подкажет, посоветует. Понимаешь, как это здорово, иметь старшего брата».

Фото
Е. Сивяева

ПОЮЩАЯ ЛАГУНА

Олег Шестинский
Рисунок Ю. Клыкова

Самонадая живет в домике на берегу океана. Много лет он был директором школы в городе Батиколая, а теперь все свое время занимается изучением поющих рыб.

Председатель Общества Шри Ланка — Советской дружбы Тавараджи, знакомя нас с Самонадай, говорил:

— Вот человек, который больше, чем кто-либо другой во всем Батиколае, знает то, что вас интересует.

Высокий и крепкий, как сухой кокосовый орех, старик провел нас на веранду своего дома и стал рассказывать об одном из чудес республики Шри Ланка.

Он говорил тихим хрипловатым голосом, и мне показалось, что не только он, но и весь его дом, и веранда, и даже низкие плетеные кресла, на которых мы сидели, не только боятся нарушить тишину, но все время вслушиваются в нее, как будто ждут чего-то.

— Они живут в прибрежных водах, в одной из лагун, — сказал Самонадай.

И люди издавна слышали в лагуне звуки, напоминающие пение. Некоторые думали, что это лягушки издают такие звуки. Но вода в лагуне соленая, и лягушки в ней жить не могут. Другие утверждали: поют электрические провода. Но ведь лагуна пела за много лет до открытия электричества. А люди, что живут на побережье, считали: звуки идут от морских раковин. Это предположение долго существовало. Я и сам так думал до 1950 года.

В тот год из Коломбо приехал мой друг, и мы решили проникнуть в тайну поющей лагуны. У него была специальная аппаратура для подводного прослушивания, маска и ласты. Мы наняли у рыбаков лодку и в тихую лунную ночь отправились слушать. Чтобы услышать пение, надо наклониться почти

к самой воде, тогда звуки становятся яснее. На середине лагуны мой друг надел свое снаряжение, погрузился в воду и стал медленно опускаться на дно. Через несколько минут стало понятно: звуки на дне не усиливались, раковины к пению не имели никакого отношения, петь могли только рыбы.

Вскоре нам удалось выловить одну из таких рыб. Она пела даже тогда, когда мы ее вытаскивали. Но самая музыкальная рыба — рыба-кот.

— И, к сожалению, самая неуловимая, — закончил свой рассказ Самонадай.

Лагуна Пассикуда считается жемчужиной восточного побережья острова. Трудно представить что-либо красивее этого места. Мелкий желтый песок. Перламутровые ракушки с белыми и розовыми прожилками. Зеленая и прозрачная, как стекло, вода океана. Кокосовые пальмы, полукругом охватившие берег. Одинокая скала, выглядывающая из воды.

Я заплыл далеко от берега, лег на спину, чтобы передохнуть, и вдруг увидел двух мальчишек, стремительно плывущих ко мне.

— Что случилось?

— Ничего. Мы узнали, что вы из Советского Союза. Мы хотим пожать вам руку, — вежливо сказали они, улыбаясь.

Мы пожали в воде друг другу руки, и ребята так же стремительно поплыли к берегу.

ПО ДОРОГЕ В ПОЛЛОНАРУВА

...Еще на восточном побережье нас предупредили, — возвращаться в Коломбо следует по южной дороге. После разгрома антиправительственного мятежа незначительная часть мятежников бежала в джунгли северной части острова и времени от времени устраивает вылазки. Но мне хотелось обязательно увидеть Поллонуару — развалины знаменитого древнего королевства. Добраться до Поллонуару можно только по северной дороге.

— Если нас кто-то попытается остановить, немедленно закрывайте окна, постараемся уйти на предельной скорости, — сказал шофер, как только дорога свернула в заросли тропического леса. Через несколько минут шофер притормозил.

— Кажется, за поворотом что-то грохочет...

Мы вышли из машины и стали напряженно вслушиваться.

И тут я случайно заметил: ветки кустарника, возле которого мы остановились, подозрительно шевелятся. Вслед за этим я почувствовал за спиной что-то осторожные шаги. Оборачиваюсь и... не могу сдерживать улыбки. Около меня стояла большая обезьяна и тоже опасно поглядывала в ту же самую сторону. Я не сделал ни одного движения, как вдруг она вскрикнула и помчалась к опушке леса.

Следом за ней выскочила из кустов целая стая обезьян. Минута — и они уже скрылись в непроходимых джунглях.

В следующее мгновение изза поворота шоссе показались два броневика правительственных войск. Пулеметные стволы смотрят вверх. Люк передней машины открыт, стрелок в защитной форме показывает рукой, что мы можем спокойно продолжать свой путь.

Но едва успели набрать скорость, как были вынуждены снова остановиться. Из леса на дорогу вышел слон. Хобот его сжимал два толстых пальмовых бревна, скрепленных железной цепью. Он нес бревна медленно, уверенно, без видимых усилий. Широкие уши слона шевелились, как огромные лопухи. Рядом семенил маленький погонщик, почти терявшийся на фоне слоновьей туши.

В Поллонуару разрушенные дворцы и крепости свидетельствовали не только о могуществе древнего государства, но и о могуществе времени. Многие селения и города этого королевства уже давно поглотили джунгли. Время пощадит только каменного Будду. Одиноко и отрешенно возвышается он над тысячелетними развалинами своего храма.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

НЕОБЫЧНЫЕ ЕЛКИ

У людей так уж заведено, чтобы к Новому году непременно была елка. Без елки Новый год не Новый год...

Немало мне пришлось видеть новогодних елок. Все это были обычные, купленные на елочном базаре, елочки... А вот про две необычные елки, о которых я слышал, я вам расскажу.

Однажды большой пароход на севере затерло тяжелыми льдами. И подошел Новый год. Всего было заласено в трюмах парохода. А елки не было... Решили встречать Новый год без елки. Собрались в кают-компанию, ждут той минуты, когда с Новым годом поздравляют. И вдруг боцман вносит... елку. Зеленую, украшенную игрушками! Даже маленькие свечи на елке горят... Все думают: «Что за чудо? Откуда елка?» Оказалось вот что. Боцман, как и все боцманы, был человек запасливый. Хранились у него в подкиперской новые метелки... И вот что он сделал: метлу разобрал по прутикам, в ручке дырочек насверлил, прутики вставил крепко. Потом зеленую бумагу бахромой нарезал и приклеил к прутикам. Получилась елочка. А игрушками украсить это уж было пустяк...

А вот случай про другую елку. На льдине, неподалеку от Северного полюса, полярники готовились встречать Новый год. И как на том пароходе, все у них было, и не было самого главного — елки. Где елку на Северном полюсе возьмешь? До тех мест, где елки растут — три тысячи километров! Радист даже радиogramму на Большую землю отступил: «Так, мол, и так. Все здоровы. Настроение хорошее. Но нет елки...»

До Нового года оставалось всего с полчаса, как вдруг в палатку, где все собрались праздновать, вбегает тот самый радист и кричит: «С Большой земли передали, что к нам летит самолет! Вот-вот будет над льдиной!» Люди высочили из палатки. Верно: гудит самолет. Круг дал над льдиной и что-то сбросил. Парашют раскрылся и опустился неподалеку от лагеря. А самолет улетел. Все бросились туда, где парашют упал. Смотрят, к парашюту елка привязана... Очень были рады подарку полярники. Правда, экипаж самолета Новый год в воздухе встретил...

Вот какие необычные елки бываю...

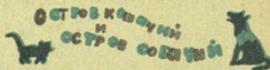

Над Атлантикой бушевал шторм, когда радист советского теплохода «Новозыбков» принял радиogramму: «Терплю бедствие! Потерял управление! Широта... Долгота...» Просил помощи американский рыболовный бот «Маридор». «Новозыбков» изменил курс и пошел к «Маридору». Наконец вахтенные заметили маленький бот и людей на нем. Громадные волны каждую минуту могли перевернуть неуправляемое суденышко. С большим трудом советские моряки взяли «Маридор» на буксир и отвели в нью-Йоркский порт. Так были спасены американские рыбаки.

ПИСЬМО ПИНГВИНУ

Дорогой Пингвин! Я рисую больше всего море, но послать вам свои рисунки не могу... Рисовать я люблю так: беру прутки и на берегу нашего озера рисую на мокром песке. На другой день от рисунка ничего не остается, нету моей картинки — волны смыли...

Наташа Шурпа,
село Бурма Алтайского края

Есть в Индийском океане небольшой островок Фрегат. Живут на этом островке тысячи кошек! Их далекие предки попали сюда с корабля, потерявшего крушение.

Кошки — единственные обитательницы острова. Кормятся они тем, что во время отлива выходят на берег ловить рыбу...

Имеется в океане и остров «Собачий». Так называют остров Жуан ди Нова, заселенный стаями беспородных собак. Собаки эти чудом спаслись с кораблей, погибших на рифах острова.

Хорошо, что остров «Собачий» и остров «Кошачий» далеко один от другого, а то была бы у собак с кошками война...

О. Орлов

ИТОГИ КОНКУРСА „КОРАБЛИ 2000 ГОДА“

Бюро патентов сообщает итоги конкурса, объявленного в № 11 журнала за 1973 год.

ЛУЧШИМИ ПРОЕКТАМИ ПРИЗНАНЫ:

«Глубоководное исследовательское судно с атомным двигателем» (см. «Костер» № 6 за 1974 год), автор Олег Кобец из Артемовска Краснодарского края.

«Плавучий завод для переработки морской воды» (см. «Костер» № 8 за 1974 год), автор Володя Созыкин из Краснокамска Пермской области.

ОЛЕГ И ВОЛОДЯ НАГРАЖДАЮТСЯ ДИПЛОМАМИ И ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ

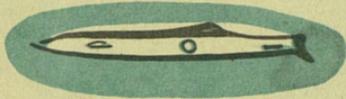
Бюро патентов отмечает проекты: Саши Щербакова из Красноярска («Судно на воздушной подушке»), Гены Малахова из Мытищ Московской области («Подводное судно «Макрель»), Юры Яшимина из поселка Синицино Воронежской области («Передвижная база для работы в Антарктиде»), Гены Хитрука из Ворошиловграда («Плавучая исследовательская лаборатория»), Саши Чернова из села Увары Астраханской области («Трансхвоокеанское пассажирское судно «Молния»).

Эти ребята НАГРАЖДАЮТСЯ ПООЩРИТЕЛЬНЫМИ ПРИЗАМИ

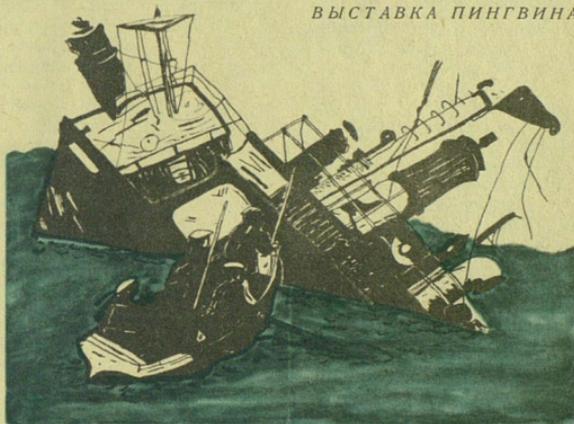

ТОНУЩИЙ КОРАБЛЬ

Сергей Усов, 13 лет,
г. В. Уфалей Челябинской области

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

В 1975 году журнал „Костер“ начинает Всесоюзный пионерский поход

„НУРС—ПОБЕДА!“

О том, как будет проходить поход и кто может в нем участвовать, вы прочитаете в первом номере журнала „Костер“ за 1975 год.

С НАЧАЛА И НАБОРОТ

РАССКАЗ-ЗАГАДКА

Шли мы раз мимо острова, который открыл английский мореплаватель по фамилии, хочешь с начала читай, хочешь наоборот. Наш корабельный, хочешь с начала читай, хочешь наоборот, сварил обед. Не успели мы поевть — шторм налетел. Дали мы в эфир сигнал, хочешь с начала читай, хочешь наоборот. Занесло нас невведомо нуда. Туман кругом. Включили прибор, хочешь с начала читай, хочешь наоборот. Однако и без прибора видим: плывет в пироге человек, с Гавайских островов туземец, по-старинному, хочешь с начала читай, хочешь наоборот.

— Куда плывете? — спрашивает.

— Нам нужен порт, — говорим, — чтобы его название и с начала читать и наоборот.

— Не туда попали, — говорит, — такой порт в Средиземном море есть.

Мы и поплыли. Вот какая история. Попробуй ее прочитать.

(Ф9 Аппидио ви пинигде — чтаежло ен читашьлоди пизе у)

Рисунки Ю. Шабанова

Я, МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ И НАШИ БАБУШКИ

1. Наши бабушки

Когда мне исполнилось одиннадцать, а брату — девять, наши родители, обнаружив вдруг, что характерами они не сходятся, развелись.

Суд произвел раздел имущества и детей, присудив меня матери, а братишку, которого мы в ту пору называли Грантиком, — отцу. И как-то само собой получилось, что бабушка, тети, дяди и другие родственники с материнской стороны теперь принадлежали мне и, соответственно, родственники отца — моему брату Гранту.

С самого начала мне повезло больше, чем ему. Моя бабушка — высокого роста и полная, с кротким, добродушным выражением на круглом лице и тихим голосом — была олицетворением самой доброты. Я звал ее Мец-Майрик, ее называли так и все родственники с материнской стороны, поскольку она была самая старшая в роду.

Бабушка, которая досталась брату, отличалась крутым и суровым нравом, была худа и удивительно подвижна и носила отживающий свой век национальный костюм: темный платок-киткал, закрывавший ей рот и подбородок, зеленый трехполый архалук поверх ярко-красной нижней рубахи, застегивающейся на одну пуговицу у самого подбородка, широкий кожаный пояс, украшенный множеством царских серебряных монет. Рано овдовев и с великими трудностями вырастив троих детей, она огрубела и очерствела душой. На селе рассказывали, что в молодости нани* даже ходила вместе с мужчинами в лес на медведя.

Ребята, любившие лакомиться спелым жиром в чужих садах, боялись и близко подойти к саду нани — большую часть дня она сидела на открытой веранде у веревена-чиха-

рака, и хотя тонкая шерстяная нить непрерывно тянулась из-под ее правой поднятой руки, неуспынно следила за своими владениями. Рядом с чихараком всегда лежал набор палок и деревянных вил, напоминающий гигантские рогатки. И горе было соседским пороссятам, цыплятам и козлятам, если они, презрев ожидавшую их опасность, переступали границу, разделявшую владения их хозяев от владений нани. Едва завидев поросенка, мирно пасшегося под кустистым гранатовым деревом, нани поднимала одну из своих увесистых палок, секунду или две целилась, будто копьем, в ничего не подозревавшую хрюкающую жертву, затем ловким, метким броском кидала ее. И поскольку она всегда или почти всегда попадала в цель, то поросенок, истощно и надрывно визжа, стремглав бросался наутек, сопровождаемый громкими проклятиями нани:

— Вай, чтоб земля разверзлась и проглотила тебя и твоего хозяина! Чтoб по дороге на мельницу под ним подох его осел! Чтoб его виноградник высох и не было в доме ни капли вина!

2. Открытие

Однажды мы с младшим братом решили подняться на гору, вершина которой была увенчана одиноко растущим деревом.

Менее чем через два часа мы были уже на вершине. С бьющимся сердцем и почему-то говоря шепотом, мы с братом осмотрели огромные валуны и камни под деревом, которые образовывали щелевидный вход куда-то в глубь горы. Из темной расщелины, по-видимому, ведущей в пещеру, доносился таинственный шум, напоминающий шум падающей сверху воды. Внизу в голубоватой дымке предвечерних теней дома казались нам маленькими — чуть больше, чем спичечные коробки. Спускались

* Бабушка (арм.)

мы быстро, почти бегом. Было уже поздно. Брату нужно было возвращаться к своей бабушке, а мне — к своей. Но нам по обыкновению не хотелось расставаться.

— Пойдем к Мец-Майрику, — предложил я Грантику, когда мы спустились в село.

— Нет, нани надерет мне уши, если к ужину я не вернусь домой, лучше ты ко мне.

И поскольку меня никогда не ожидало наказание, — в худшем случае, ласково журили, если я вовремя не возвращался домой к Мец-Майрику, — то я пошел с Грантиком.

На село уже спускались сумерки. Мы толкнули калитку и вошли во двор. Против ожидания нани не встретила нас. Под тутовыми деревьями ее тоже не оказалось.

— Она, наверное, дома, — сказал Грантик и взглянул на освещенные окна.

По двум единственным ступенькам мы поднялись на открытую веранду. Изнутри доносились звуки какой-то армянской танцевальной мелодии. Радио, вспомнили мы. Но прежде чем войти, мы почему-то с любопытством заглянули в выходящее на веранду окно... и то, что предстало перед нашими глазами, настолько поразило нас, что, в изумлении прильнув к стеклу, мы смотрели, смотрели, не веря собственным глазам: нани, суровая и деспотичная, никогда ни с кем не шутившая, гроза всех соседских мальчишек и животных, нани, которая отдыхала только за своим веретеном, танцевала под сладкие, нежные звуки зурны. И в одиночестве. Она мягко и плавно кружила по комнате, медленно и грациозно поднимая в такт музыке руки, будто птица, медленно взмахивающая в воздухе крыльями. Легкая полуулыбка мечтательно блуждала на ее изборожденном морщинами лице, суровые жесткие черты лица смягчились, помолодели.

— Ну и ну! — издал легкое восклицание Грантик, не сводя глаз с танцующей бабушки.

— Войдем? — спросил я.

— Не знаю... — все так же тихо ответил брат.

Мне хотелось застать ее врасплох, смутить, поймать, так же как и она нас ловила на какой-нибудь проделке. И потом мне казалось чудовищным, что у такой сварливой, старой, как мир, женщины может появиться желание танцевать, да еще в полном одиночестве. Я подкрался к двери, толкнул ее и с криком: «Нани танцует! Нани танцует!» влетел в комнату. Вслед за мной — брат. Застигнутая врасплох, старуха как была с поднятыми руками, так и застыла на месте. Мечтательное выражение, которое нас поразило, когда мы подсматривали за ней в окно, сначала сменилось удивлением, будто она нас видела впервые, затем полной растерянностью; и то, что последовало в следующую секунду, было столь неожиданным для нас и непоследовательным, что мы с братом как-то сразу приумолкли: сухонькое лицо нани внезапно сморщилось, стало жалким и беспомощным, и она заплакала. С чувством необъяснимой вины мы тихо, на

цыпочках, по одному шмыгнули за дверь. Несколькими минутами постояли на веранде, пристыженные и притихшие. Молча, неподвижно.

— Ну, я пойду домой, — вполголоса сказал я, не глядя на стоявшего в полумраке Грантика, и направился к калитке.

— Ладно... — также вполголоса ответил Грантик.

3. Путник

Тот день, когда человек в черной барашковой папахе и с переметной сумой за плечами постучался к нам в калитку, был обыкновенный, летний, ничем не примечательный. Я мастил себе в тени тутового дерева рогатку, а Мец-Майрику раскладывала в кладовой на деревянной лавке свежевыпеченные лавашки, которые она испекла только что. Остывая, лавашки распространяли по всему двору и дому вкусный аромат свежевыпеченного хлеба, приятно щекоча ноздри и заставляя глотать слюну.

— Эй, есть кто в доме? — крикнул человек в барашковой папахе на ломаном армянском языке. Я сразу догадался по акценту, что это азербайджанец.

— Есть, — ответил я, подняв голову.

— Мать дома?

— Матери нет, Мец-Майрику дома.

— Кто-кто?

— Я говорю, бабушка дома.

— Где же она? Позови, — сказал человек в черной барашковой папахе и тяжело, двумя руками оперся на толстую суковатую палку. Кожа на его лице была темная, словно дубленая, одежда в пыли.

— Мец-Майрику, — зорал я. — Тебя зовут!

— Что ты орешь, Геворг, разве я глухая? — но, увидев незнакомца, внезапно замолчала и вопросительно посмотрела на него, вытирая руки о выветший передник.

— Баджи*, — сказал азербайджанец, сняв папаху и отирая серым сомканым платком пот со лба, — не найдется попить холодной воды?

— Почему не найдется? Геворг, сбегай в дом и принеси дяде воды.

Я принес огромную глиняную кружку воды и подал ему.

Он жадно припал к ней и уже не отрывался, пока не выпил все до последней капли. Я с любопытством смотрел, как его кадык двигается вверх-вниз, вверх-вниз, будто заводной. На старой солдатской гимнастерке пот полумесяцами выступил под мышками.

— Видать, издалека? — спросила его Мец-Майрику.

— Да, из Агдама, — ответил азербайджанец и снова надел свою черную барашковую папаху.

— И давно в пути?

— С самого утра, баджи.

* Сестра, обращение к женщине (азерб.)

— По такой-то жаре...

— А что делать, баджи, надо, — со вздохом сказал азербайджанец, — ну, мне пора, а то ведь солнце уже начало садиться.

И он, прихрамывая, усталым шагом направился к калитке.

Спустя пять минут, а может, и больше, выбегает из кладовой Мец-Майрик и говорит:

— Геворг-джан, быстро, беги за ним и вери его!

— Кого его?

— Ну того человека, что попросил пить. Беги за ним!

— А зачем?

— Скорей, а то не догонишь!

Я выскочил за калитку и вернулся с человеком в барашковой папахе. Мец-Майрик уже дожидалась нас во дворе.

— Возьми, — сказала она, протягивая азербайджанцу два вчетверо сложенных свежеспеченных лаваша, — возьми — в пути пригодятся, и да минует смерть твою старую мать...

— Спасибо, баджи, — немного смущаясь,

сказал азербайджанец и сунул лаваша в переметную суму.

— А далеко еще идти?

— В Ахундово, баджи.

— Дела, что ли, там дожидаются?

— Нет. К сестре, хочу навестить ее, горе у нее: неделю назад пришла похоронка от мужа.

— Господи боже! И ребята, наверное, есть у нее?

— Эх, то-то и оно-то, что осталось трое сирот, — с грустью сказал человек в барашковой папахе. — Ну, до свиданья, баджи, и да продлит всевышний аллах твои дни.

Мец-Майрик сложила руки на животе и в задумчивости устала на калитку, за которой скрылся азербайджанец. И вдруг, будто ее какая муха укусила:

— Геворг, беги скорей за этим человеком!

— Опять? Зачем?

— Ты слышал, какое у него горе?

— Да, — ответил я, недоумеваю.

— Ну, если слышал, то беги сейчас же и верни его!

Я снова выбежал за калитку. На этот раз

человек в барашковой папаче успел уйти довольно далеко. Я с трудом его нагнал. Когда мы вернулись во двор, Мец-Майрик стояла, подбрав левой рукой углы своего передника.

— Это для твоих бедных племянников, и да минуют их отныне болезни и горести, — сказала она и извлекла из передника несколько кусков сахара рафинада и пять или шесть темных сухих пряников — почти все оставшиеся запасы, привезенные из города. Я в изумлении смотрел на бабушку. Мать постоянно твердит, что сейчас время военное и нужно бережно расходовать продукты, а она почти все отдаст первому же попавшемуся человеку.

— Не надо, баджи, самим ведь нужен сахар, — сказал человек в барашковой шапке, а сам снимает с плеча переметную суму, куда бабушка бросает сахар и пряники. — Да ведь наградит аллах тебя за твое доброе сердце!

4. С ослами шутки плохи...

Однажды я, мой младший брат Грантик и еще несколько дзоргергских ребят отправились в поля, которые начались сразу же за виноградниками. Неожиданно наткнулись на серого осла, спокойно щипавшего траву. Мы с братом решили немного покататься верхом. Но удивительное дело: стоило мне взобраться на это добродушное животное, как оно начинало дергаться, скакать, высоко подбрасывать круп, пока я под дружный хохот ребят не шлепался на землю. Потирая ушибленное место, весь красный от стыда и досады, я поднимался и упрямо лез на еще более упрямого осла. И, к великому удовольствию ребят, история снова повторялась. Как только я очутился на земле в четвертый раз, это упрямое, с виду такое добродушное животное, а на самом деле оказавшееся таким коварным, вытянуло шею и, раздув темные ноздри, вдруг заревело: «Йоо-йоо-йоо! Йоо-йоо-йоо!» Да так оглушительно и трубно, будто торжествовало свою победу надо мной, поверженным себе под ноги. Ребята, держась за животы от хохота, катались по траве. Мне же было не до смеха, я стиснул зубы, чтобы не зареветь от обиды и досады.

Когда же я увидел, как Грантик взобрался на осла и, словно заправский наездник, легонько ударя голыми пятками по его бокам, поехал по кругу, довольный и торжествующий, моя досада еще более усилилась.

— Слезь, я попробую еще раз, — крикнул я.

— А зачем? Ты ведь не можешь ездить на нем, — ответил Грантик, улыбаясь своей маленькой победой в этом невольном состязании. Я снова и снова просил его, но он не слез с осла, даже когда тот, остановившись, стал опять щипать траву.

В конце концов мне надоело клянчить, я повернулся и зашагал прочь от них. Я знал, что как только отойду, брат слезет с осла и побежит за мной. Так оно и оказалось.

— Гевог, обожди! — крикнул мне вслед Грантик. — Я тоже иду!

Я, не оборачиваясь, продолжал идти. Но он уже бежал за мной, догоняя.

— Постой, я тоже с тобой, — сказал он, поравнявшись со мной.

— Я иду к себе, — сказал я сердито, — а ты куда?

— И я с тобой... домой...

— Тогда тебе надо свернуть во-он туда, на ту тропинку, — сказал я мстительно: мне хотелось наказать его за недавнюю строптивость и торжество. — Твой дом ведь в той стороне села, не так ли? — сказал я сухо, не сбаывая шага.

Грантик, ничего не ответив, все же продолжал идти за мной, но на некотором расстоянии. Спустя минут десять, когда мы уже приближались к дому Мец-Майрик, я обернулся к брату:

— Не иди за мной.

Грантик остановился, потупил с виноватым видом голову, стал смотреть себе под ноги.

— Слышишь — не иди за мной. У тебя есть свой дом, вот и иди туда. Я знал, что он не любит расставаться со мной, хотя мы часто соримся. Глядя на опущенную в нерешительности голову брата, я почувствовал к нему жалость, и все же, словно сопротивляясь этому чувству, я спросил:

— Нет, ты скажи: есть у тебя свой дом?

— Есть...

— Есть у тебя своя бабушка?

— Ну... есть...

— Ну так и иди к ней, — с непонятной мне самому жестокостью сказал я и, сунув руки в карманы, зашагал быстрее.

Толкнув калитку, я вошел во двор. Мец-Майрик развешивала белье.

— Небось проголодался Гевог-джан? — сказала она, вытирая руки о синий передник.

— Ага, очень.

— А где же Грантик? Почему он не с тобой?

— Он не захотел сюда, — соврал я.

Лишь тогда я почувствовал, как сильно проголодался, когда бабушка поставила передо мной полную сковородку румяной жареной картошки, посыпанной мелко нарезанной зеленой кинзой и молодого лука. Сидя в тени под деревом и от удовольствия болтая ногами, я с аппетитом уплетал вкусную картошку, забыв не только про свой недавний позор, но и про Грантика.

Случайно подняв голову, я вдруг увидел брата. Он стоял у калитки и смотрел на меня, не решаясь войти во двор. Большие черные глаза на худом загорелом лице казались огромными. В них стояли слезы.

— Мец-Майрик! — позвал я бабушку.

Бабушка продолжала развешивать белье. Стоя спиной к калитке, она не заметила, как в нее вошел Грантик.

— Чего тебе?

Я молча движением головы показал на брата.

— А-а, пришел, значит, — обрадованно сказала она. — Ну входи, входи, чего стоишь там?

В ногах ведь правды нет. Садись рядом с Геворгом и поешь с ним жареной картошки.

Грантик опустил голову и не двинулся с места. Он, не переставая, мял в руках какую-то травинку.

— Ну, что ж ты? — сказала Мец-Майрик и подошла к нему. — Поссорились, что ли?

— Геворг... Геворг не хочет... говорит: иди к себе — у тебя своя бабушка есть... — срывающимся голосом проговорил он.

— Что, что? Геворг, говоришь, не хочет?

Она взяла его за подбородок, наклонилась к нему и заглянула в лицо: крупные слезы покатались по его худым щекам. При виде их меня что-то кольнуло в сердце.

— Вай, ослепнуть бы мне! — с гневом напустилась на меня Мец-Майрик. — Ишь, какой умник нашелся! Я и его бабушка и твоя; нет-нет, теперь только его, Грантика бабушка! Идем, Грантик-джан, идем! — и, обняв брата за вздрагивающие плечи, повела под тень дерева, к столу.

Стыд, жалость к брату, досада и ревность разом нашли на меня. Я перестал есть: кар-

тошка внезапно показалась мне безвкусной, как трава.

Мец-Майрик принесла еще одну вилку — для Грантика. Потом пошла в кладовую и вынесла огромное яблоко и протянула брату.

— На, Грантик-джан, это тебе.

— А Геворгу?

— А он не получит ничего.

Отвернувшись, с деланным безразличием, я стал чертить прутиком какие-то фигурки на чисто выметенной земле. Было как-то нехорошо, скверно на душе. Кто-то тихо дотронулся до моего плеча. Я поднял голову.

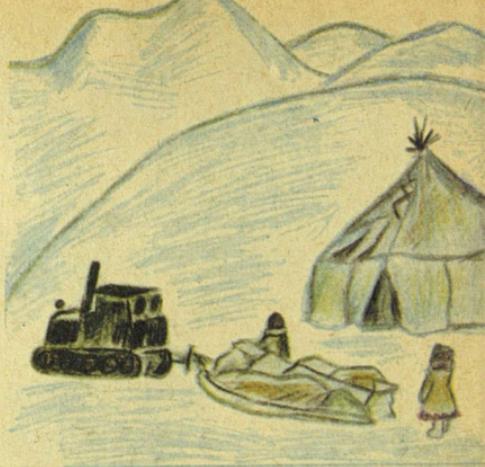
— На, возьми, — улыбаясь, Грантик протягивал мне половину своего яблока.

— Не надо... — отказался я, продолжая угрюмо водить прутиком по земле.

— Да ладно, бери — оно вкусное...

Не глядя на брата, я взял протянутую половинку яблока и неожиданно для самого себя заплакал, — злясь на себя, на бабушку, на брата, на тех мальчишек, что смеялись, и еще на того упрямого серого осла, и кажется, на все, все на свете — плакал долго, с надрывом...

Эти рисунки прислали в журнал „Ностер“ ребята из чунотского поселка Лорино.

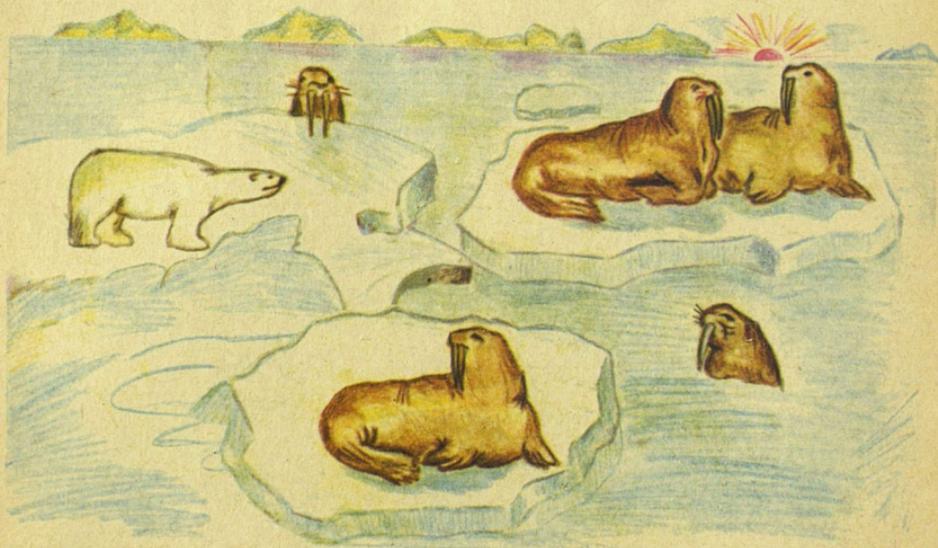
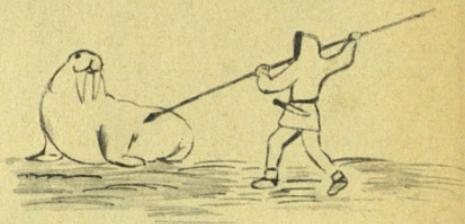

„СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ“, Сивсисв Аркадий, 11 лет

„ВЕЗДЕХОД“, Атчина Ира, 12 лет

„ОХОТНИК“, Ровтыргин Эдик, 13 лет

„ЛЕЖБИЩЕ МОРЖЕЙ“, Уреу Саша, 10 лет

РИСУЮТ И СОЧИНЯЮТ ДЕТИ ТАНЗАНИИ

В столице африканской страны Танзании городе Дар-эс-Саламе издается журнал, все рассказы в котором написаны танзанийскими мальчишками и девочками. Журнал называется «Маниндзи катика уанйиши» («Революция через слово»). Страна недавно избавилась от колонизаторов, и издатели журнала хотят, чтобы дети, как и их отцы, преобразующие страну, учились владеть словом — убеждать и рассказывать.

Когда мы были в Дар-эс-Саламе, нам подарили несколько номеров этого журнала. Вот сказка, которую написала двенадцатилетняя девочка.

ЧЕЛОВЕК И СТУЛ

СКАЗКА

Один человек захотел почтить и сел на пол. Вдруг он увидел стул, стоящий перед ним. Человек встал и без всяких церемоний хотел сесть на него. Но стул испугался и оттолкнул человека. Тогда человек положил книгу и попытался побороить стул. Но тот продолжал толкать человека и лягаться всеми четырьмя ножками. Человек рассердился и отшвырнул стул прочь. Затем он снова сел на пол. Но только он раскрыл книгу, как стул появился перед ним. Тогда человек решил действовать по-другому. Он вынул из кармана носовой платок и вытер со стула пыль. Он даже немного потанцевал со стулом. Но когда человек сделал вид, что опять хочет сесть, стул отбежал.

Человек устал и ушел из дома. Он направился к дереву, чтобы сесть под ним и почтить. Стул медленно последовал за ним.

Тогда человек осторожно сел на стул.

Они оба были довольны друг другом, и человек теперь мог сидеть и читать сколько хотел.

Нкелиге Дж. Мвакзеге

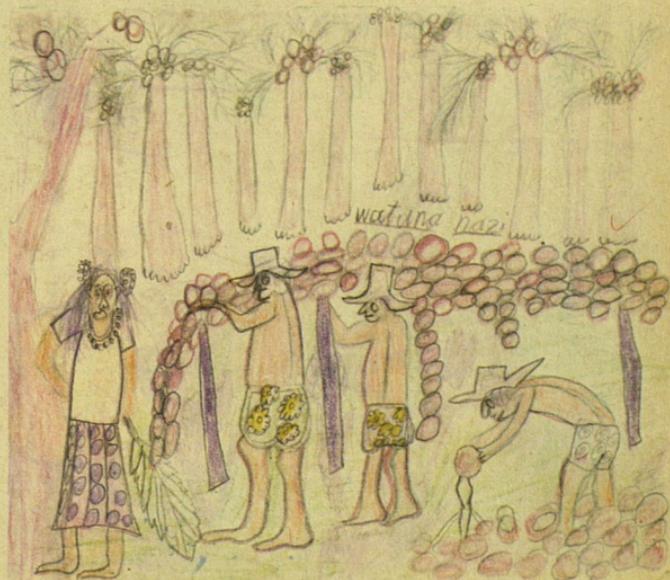
Вот какая удивительная сказка... Наверное, она могла родиться только в стране, где и книжи, и стулья в новинку, а сидеть на прохладном полу — дело обычное, и где дети знают, что укротить дикое существо лучше всего лаской.

А еще я привез из Танзании рисунки африканских детей.

С. Сахарнов

Рисунки
Петера Космо, 10 лет

При редакции «Морской газеты» «Костра» открылся клуб юнкор-следопытов — «Поиск».

На первую встречу с ребятами пришел бывший комиссар тральщика «Мина», ныне капитан 2 ранга в отставке, Николай Васильевич Воронцов. Он принес редкий снимок военных лет. На фотографии — юнга тральщика Коля Ознобаев. Справа — командир отделения сигнальщиков БТЩ «Мина» — Г. В. Кравченко. Николай Васильевич рассказал вот какую историю:

ЮНГА КОЛЯ

В самом начале Великой Отечественной войны в одном черноморском порту матросы тральщика «Мина» подобрали мальчишку. На вид ему было лет десять-двенадцать. Был он грязен, оборван и голоден. Что с ним делать? Оставить, где нашли? Но к порту приближались фашистские войска. Взять мальчишку с собой? Тральщик готовился к походу и тяжелым боям...

Все-таки матросы привели мальчишку на корабль и доложили, как это положено, командиру.

— Сперва накормите его, — приказал командир, — отмойте от грязи и вшей да оденьте... Как зовут-то тебя, малыш?

— Коля...

— Где родители?

— Нету... Один я...

Заплакал Коля. А командир задумался. Потом сказал:

— Вот что, брат Коля... Не плачь, слезами горю не поможешь... Не бросим мы тебя. Зачислим пока на тральщик в отделение сигнальщиков. А там видно будет...

Коля оказался способным учеником. Лихо отмахивал флажками приказы, выучил азбуку Морзе и скоро его допустили на мостик тральщика к самостоятельной передаче и связи с другими кораблями. А на боевых тралениях Коля стоял наблюдателем и высматривал подрезанные и всплыва-

напряженно и глухо гудели машины тральщика да волны плескались у форштевня...

И вдруг все, кто был на мостике, услышали громкий и звонкий голос Коли:

— Справа сорок пять градусов! Перископ!

Раньше всех заметил Коля подкрадывающегося под водой врага...

Командир сразу же скомандовал:

— Право на борт! Самый полный! Глубинные бомбы, товсь!

Кренясь, рванулся тральщик вправо, и пошли переворачивать спокойное море взрывы глубинных бомб...

Николай Васильевич Воронцов предложил следопытам «Поиска» разыскать Колю Ознобаева, узнать о судьбах других членов экипажа тральщика

ющие мины. Зрение, надо вам сказать, у Коли было отличное, как у соколенка... Словом, исправный получился юнга...

Однажды после боевого траления тральщик возвращался в свой порт. Был вечер. Солнце уходило за горизонт. Стояла непривычная тишина. Только

«Мина» и восстановили славные страницы истории этого корабля. Следующее заседание клуба «Поиск» назначено на февраль.

От редакции. «Костер» будет публиковать материалы, найденные следопытами клуба «Поиск». «Костер» предлагает читателям, ведущим следопытскую работу, связаться с ветеранами Великой Отечественной войны и организовать клубы «Поиск» в своих отрядах и дружинах. С января 1975 года клубы «Поиск» включаются в поход «Курс — Победа!»

Что это за государство Солнца? На карте такого нет. Но не думайте— никакая это не научная или другая там фантастика. На титульном листе книги черным по белому: Н. Смирнов. «Государство Солнца». Исторический роман. Значит, было такое государство? Посмотрим.

Брр... Как холодно. Вокруг снег. Сопки дымятся. Волки воют. Вдали город — Большерецк. Поближе — поселок, дворов десять. К нему идут

двое. У того, что постарше, под меховой шапкой виден завитой белый парик. Он говорит своему спутнику: «Что же, поручик? Так здесь, в ссылке, и околеем, как собаки? Нужно придумать план освобождения!» Беседуют сыльные Панов и Батурина.

Это картина первая — Российская империя, Камчатка, XVIII век.

Картина вторая. Бушует Охотское море. Галиот «Петр» бросает, как щепку. «Петр» везет в Большерецк, на Камчатку, соль, муку да пятерых сыльных. Довезет ли? Капитан ногу сломал, команда в панике...

— Сто пятьдесят ведьм! Довезет! Или я, сыльный Беньовский, не могу быть морским капитаном? Слушай мою команду! Убрать паруса!

Так появляется в повести Морис Беньовский, польский шляхтич, оставленный без наследства своими братьями. Он искал счастье на поле брани, был одним из вождей восстания польских конфедератов. Ранен в бою солдатом Екатерины II, став пленником русской императрицы, послан на Камчатку. Это он придумает план освобождения.

Картина третья. Вооруженные сыльные бегут к дому коменданта Большерецка — Нилина. Впереди Беньовский. «Надо Нилина арестовать», — кричит он и скрывается в доме.

Там предводитель восставших едва не погиб. Подоспел поручик Панов, личность, может быть, не менее замечательная, чем Беньовский. «Народ коснеет в невежестве и страждет, и никто за истинные заслуги не награждается», — писал этот дерзкий сыльный с Камчатки в правительственный сенат. Именно его советский историк А. Давидсон назовет потом «Предтечей декабристов», как, впрочем, и подпоручика Батурина, который хотел в 1749 году заточить в монастырь императрицу.

С Камчатки начинается их общая судьба. Она деловито, увлекательно, словом, мастерски рассказана в книге. Заговор, восстание, плавание (на том же галиоте «Петр»), прибытие на солнечный Мадагаскар, который рисуется утомленным скитаниями героям книги счастливым островом Солнца — такой остров придумал социалист-утопист Томмазо Кампанелла.

Картина четвертая. Под палашим африканским солнцем собрались путешественники. Говорит Беньовский:

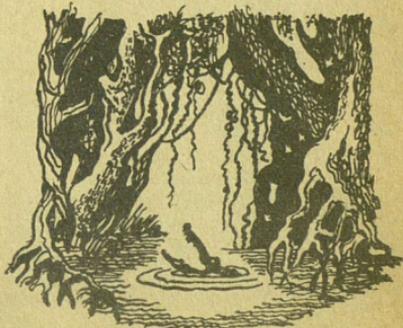
— Раз на Мадагаскаре не оказалось государства Солнца, нужно его здесь создать. Мы построим города. Мы научим местных жителей земледелию и ремеслам. Будем работать...

Герои книги с азартом начинают создавать на острове государство равенства и справедливости, о котором мечтал Кампанелла. Это не нравится французам, обосновавшимся недалеко на острове Иль-де-Франс. Они видят в деятельности Беньовского и его спутников угрозу своим колонизаторским планам. Французы высаживаются на Мадагаскаре десант. В бою гибнет Беньовский.

Не забывайте, однако, что перед вами не документальная, а художественная книга. Беньовский исторический и Беньовский — герой книги лишь похожи друг на друга. То же можно сказать и о других действующих лицах, в том числе и о мальчишке Ване Устюжинове. Именно Ваня был первым русским подростком, побывавшим в Африке. Ваня Устюжинов и его взрослые товарищи впервые в истории нашей страны обогнули Азию, достигли «черного континента» и потом, правда, уже не вместе, вернулись в Европу, совершив полукругосветное путешествие — дело до той поры для русских неслыханное.

Эту книгу стоит прочитать.

М. Титова

ЗЕЛЕНЬЕ СТРАНИЦЬ

ЗАЯЧЬИ ПЕТЛИ

Чего только про зайца не говорили: и кошой-то он, и трусливый, и, мол, под гору бегать не умеет — все кувыркот да кувыркот. Неправда это! Если бы он таким был в самом деле, то его давно бы перевели до последнего.

А вот врагов у зайца много. Его и лисы высматривают, и волки гоняют, и всякие хищные птицы когти на него точат. Даже такой крохотный зверек, как ласка, и та не прочь отведать зайчатинки. Я уж не говорю об охотниках с их ружьями, гончими и борзыми собаками.

То, что передние лапы у зайца короче задних, это всем известно. Но под гору он носится — будь здоров! И на гору не хуже. А по ровному месту и вовсе: напуганный, как вихорек катится по снежному полю, был — и нету! Обязательно, что ли, называть трусливым, если хорошо бегаёт? Как иначе спастись от многочисленных преследователей? Рогов у него для защиты нет, острых когтей тоже. Да и велик ли он! Только и осталось, что удирать.

И не просто удирать, а еще хитрить. И совсем заяц не кошой. Он просто, как и другие звери, живущие в лесу, больше доверяет слуху, чем глазам. Недаром у него вон какие длинные уши! Попробуй рассмотри, что там делается, кто крадется, если кругом кустарники, деревья, густые травы. А слух не подведет. Хрустнула веточка — у зайца ушки на макушке, прикидывает, где, в какой стороне! Хрустнула еще раз — вскакивает.

Случается, что спугнутый собакой заяц несется прямо на человека. Но это бывает лишь тогда, когда человек стоит неподвижно. Отсюда, наверное, и стали считать зайца кошым; дескать, не видит впереди. А он все-го-навсего, опять же, как и другие звери, просто не обращает внимания на спокойно стоящего человека. Тронься с места, подними руку — и твоя «кошой» задаст такого стрекача, что семь собак не догонят...

Теперь про заячьи петли. Вечное преследование научило его не только умело маскироваться на легке, а еще этак мудро запутывать следы перед тем, как лечь. Вот четко отпечатанный на снегу заячий след. Ночью зверек лакомился стилой озимью на поле, а к рассвету направился на лесную опушку. Прыгал, прыгал, остановился, встал на задние лапы, постоял столбиком, послушал. И вдруг посккал обратно. Да ловко так, прямо след в след угадывает! Но скоро и сдвоенный след кончился. Ни впереди его нет, ни сзади. Не улетел же заяц! Это он сделал огромный скачок в сторону. «Скидку», как говорят охотники. Таких «скидок» бывает подряд три или четыре, и когда заяц окажется от следа на порядочном расстоянии, залегает. Лежит где-нибудь на горюшке, а то и на не вовсе, дремлет, а ушки слушают, напружат сон. Пока там разбойница-лиса разберется, куда делься заяц, он прыг за куст — и был таков...

Раздел ведет
писатель Н. Сладков
Оформление Ю. Иванова

Он все умеет

Меня зовут Андрей. Я учусь в пятом классе. Мне одиннадцать лет. У меня живет говорящий попугай ара. Я прочитал статью А. Батуева «Умеют ли думать птицы?» Статья мне, маме и бабушке очень понравилась. Мой попугай, по кличке Сальвадор, очень красивый. Особенно красивый он, когда злится. Когда он злится, он складывает крылья сердечком и распускает хвост. Если чужие суют пальцы ему в клетку, то он кусает, но перед тем как укушить, говорит: «Как дам» или «Я кусаюсь». Когда ему скучно, он кричит: «Баба-а, Андрейка или Марина». Он поет. Лучше всего он поет «Березовый сок». Он что-то бормочет и поет. Когда я пою «Вечерний звон», то попугай говорит: «И бом-бом, и бом-бом». Он умеет рычать, как собака, и хохотать. Он говорит, когда вся семья стоит подле него: «Чего стоишь? Делать нечего? Ха-ха-ха». Когда стучат в дверь, он говорит: «Кто там?» А когда я его клетку начинаю поднимать и опускать, то он говорит: «Что такое?» Когда кто-нибудь плачет, он говорит: «Ой, ой, ой». Один раз к нам пришел знакомый. Он сказал: «Попка дурак». Сальвадору это, видимо, не понравилось. Он так ответил: «Я — Сальвадор, я — Сальвадор. Как дам». Летом он выходит на балкон, но не улетает. Мой попугай один раз разыграл девочек. Ко мне пришла Мила и Оля (мои подруги) и начали кричать: «Пелля-я!» (Это они меня так называют). А Сальвадор как будто не расслышал, крича им в ответ: «А?» Таков мой попугай Сальвадор.

Андрей Шердаков,
г. Одесса

Леонид Фомин

КРОКОДИЛ ВИНКИ ПУТЕШЕСТВУЕТ

Всем известно, что крокодилы живут в тропических странах. Путешественники встречались с ними на реках Голубой Нил, Ганг, Амазонка и на озере Виктория. Их несколько видов: кайманы, гавиалы, аллигаторы, гребнистые.

Наш рассказ пойдет о крокодиле Винки, привезенном из Судана в Ленинград. Но в Ленинградском зоопарке его не прижили. Винки был на грани смерти, когда биолог Александр Чегодаев доставил его на лайнере «ИЛ-18» в Бакву.

Винки поправился за несколько месяцев и так вырос, что не вмещался в ванне. Пришлось снова садиться в самолет. На этот раз милый крокодил пропался на постоянное жительство в Ереванском зоопарке.

Его место в ванне занял гость с Кубы — Чикита-Малыш. Вскоре у Чикиты появился дружок Бэбби. Он быстро растет и уже показывает свой крокодильский «характер».

А совсем недавно в квартире бакинского биолога Александра Евгеньевича Чегодаева появился еще один новосел — гребнистый крокодил. Его привез в подарок Вацлав Ланько — руководитель станции юных любителей природы чехословацкого города Рожовик. Гребнистые крокодилы достигают длины десяти метров. И понятно, что через год-два крокодилу придется перекочевать в один из зоопарков страны.

Пока же гость основательно прижился в зоопарке Чегодаевых. Хотя соседи у него очень беспокойные. Зовут их — индийский удав, водяной щитомордник — африканская шумящая змея, тигровый питон, вьетнамская ящерица Токки, крокодил средиземноморского пустыни — варан, апшеронская гюрза.

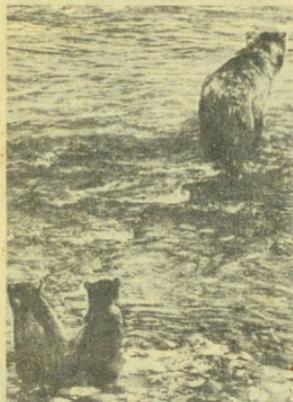
Большая семейка. Хозяин квартиры говорит:

— Со змеями и крокодилами можно жить под одной крышей интересно и весело.

К. Хромов

НОЧНАЯ СТОЛОВАЯ

Если бы мы поняли, о чем кричит утка, то, может быть, и не раскинули бы палатки на берегу того озера. С криком подлетая к нам, она вдруг падала на воду и билась, хлопая крыльями.

Разгадка ее беспокойства объяснилась утром, когда из осоки выплыли утята. Они бойко шныряли между водорослями и отчаянно пищали. Утка тревожно за ними наблюдала.

Заметив нас, утята мгновенно попрятались.

Однажды мы решили искупаться. Только забрели в воду — как услышали утят. Они стремглав бросились в темноте на плеск воды, считая, что прилетела мать. Видно, утка, чтобы не попадаться нам на глаза, решила кормить их ночью. Но много ли корма можно добыть за короткую летнюю ночь!

И тогда мы стали ей помогать. Войдешь ночью в озеро, поплещешь водой, и сразу же налетают утята и начинают клевать прямо из рук рыбные фрикадельки. Правда, на руки мы надевали темные перчатки: брать пищу из голых рук утята боялись.

А мать покрывает из осоки, но близко не подплывает. Наши действия она одобряла.

В. Алексеева, Ленинград

СОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МОРЯК

Служил я одно время на Дальнем Востоке. Жил, хотя, вернее сказать, нес службу в нашем подразделении пес Моряк. Его нам еще щенком подарили геологи, а почему дали такое имя — неизвестно. Ночью наш рыжий любимец дремал возле дневального (вроде бы тоже охранял солдатский сон), а днем разлекал всех своими шалостями.

Признавал он только людей в военной форме, а лучшим его другом был повар.

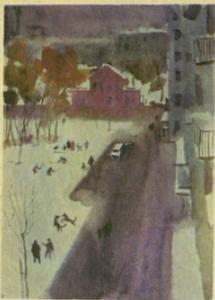
Как-то в воскресный день мы с товарищем отправились погулять по степи. Увязался за нами и Моряк. Он был весел, прыгал вокруг нас, путался под ногами — видно, предлагал с ним поиграть.

Мы решили его погонять, чтобы он отстал и не мешал разговору. Взяв старую алюминиевую кружку и маленький стеклянный пузырек, мы стали поочередно забрасывать их далеко в траву. Принесет пес кружку, а уже надо бежать за пузырьком. Так несколько раз.

Потом Моряк пузырек нашел, а нести не спешит. Устал, что ли? Или надоело? Да нет, сидит, ждет чего-то и от нетерпения передними лапами переступает, хвостом по земле постукивает. Бросили ему тогда кружку. Моряк положил в нее пузырек и все это нам принес.

Взгляд его как бы говорил: «Эх, вы! Не так я прост, как вы считаете. Тогда кое-что соображаю». И больше мы его уже не интересовали.

С. Левчук

„Зима“

Эскиз костюма

Эскиз декорации к телеспектаклю „Попелле — длинный чулок“

Читателям нашего журнала хорошо знакомы все naše рисунки художника А. Януса, но наверное, никто из читателей не знает, что А. Янус — псевдоним двух художников: Константина Севастьянова (о нем мы рассказывали в «Костре» № 2, 1973 г.) и Льва Московского.

Сегодня на выставке «Костра» рисунки Льва Московского и его рассказы о своей работе.

ВСЕ УМЕТЬ И ВСЕ УСПЕТЬ

Наверное, художник на телевидении должен быть мастером на все руки. Потому что телевидение — и театр, и кино, и газета.

Декорации в телестудии — как в театре. Только в театре зритель сидит в нескольких метрах от сцены, а на телевидении он — рядом с экраном. Поэтому декорации должны быть очень убедительными, как в кино. Если в театре актер может делать вид, что он ест и пьет, то у нас все должно быть настоящим. Чай так чай, суп так суп.

Кроме эскизов и чертежей, к спектаклям нужно еще рисовать иллюстрации к закадровому тексту, писать шрифтовые заставки, придумывать мультишанки. Причем, если в театре постановка делается месяцами, картина на киностудии снимается годами, то в телевидении время, отпускаемое на работу художника, измеряется днями, а порой и часами.

Ведь все интересные события, которые происходят в мире, тотчас попадают на телевизор. Телевидение оперативнее

газеты, которую надо набрать и напечатать и доставить читателю, а тут — приехала передвижная телевизионная станция, и пошла передача.

Что только не приходится делать здесь художнику! Сегодня надо построить армарику в среднековом Амстердаме, завтра придумать интерьер института, проектирующего машину времени, послезавтра сделать жилище египтянина или макет космического корабля марсианин.

И все — быстро, быстро, быстро! И вот листаше технические справочники, роешься в энциклопедиях, бегаешь по музеям, смотришь, рисуешь, записываешь...

Но художник на студии — уны! — не только художник, но еще и администратор. Он должен думать, сколько потребуется досок, холста, краски. Какой и где взять материал? И сколько это будет стоить?

А еще... художник на телевидении обязан всегда иметь хорошее настроение. Почему? Да потому, что за день он должен побывать в буафорской

Эскиз декорации к телеспектаклю „Приходи, сказка“

„Катиша“

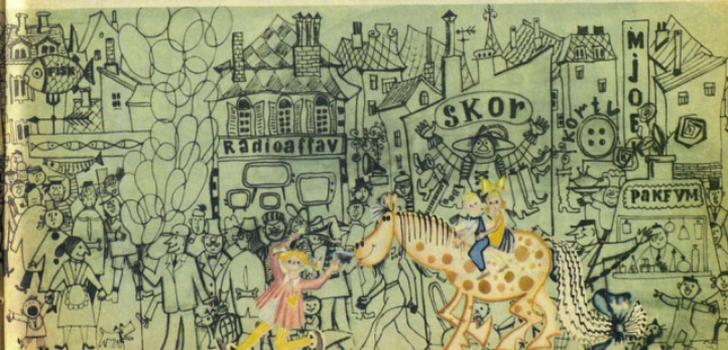
мастерской, чтобы обговорить эскизы. Выбрать ткань для костюмов в портновской. Подобрать шляпы в костюмерной. Посмотреть самовары в реквизит, проверить, правильно ли строят декорации в стаярке; заглянуть в мультик; встретиться с бригадиром монтаж-

щиков. И всюду спокойно, с улыбкой убеждать и поторавливать.

Ведь любая передача начинается точно в назначенное время. И к тому моменту, когда ты садись к своему телевизору, чтобы ее посмотреть, все-все должно быть готово.

Через десять минут передача

Я СЛЫШУ ПОДЗЕМНЫЕ ШОРОХИ СТРУЙ

Идет человек с наушниками по заросшему полю. В руке у него метровая металлическая трубочка.

— Что вы слышите? — спрашивают человека.

— Слышу, как под землей в норке возится мышь, а вот мышонок пищит — есть требует.

Идет человек дальше.

— Здесь труба проходит на глубине двух метров. Старая труба, ржавая. Тут она поворачивает направо.

Все слышит человек, любой подземный шорох узнает. Ведь прибор усиливает звуки в сотни тысяч раз. Изобрели его ученые Рязанского радиотехнического института. А названия пока еще не придумали.

Прибором сразу заинтересовались многие. Еще бы — весит всего четыре-пять килограммов. Любой грамотный человек может

научиться им управлять за несколько минут. И всюду, где берут его в руки, приносит большую пользу.

Например, прорвало мощный подземный нефтепровод. Раньше, пока искали место утечки, теряли цистерны нефти. А теперь выйдет человек на линию с таким прибором и мгновенно скажет обо всех неполадках.

Испытатели прибора вспоминают о таком случае.

Шел человек с наушниками по полю, рассказывал, что слышит.

— Здесь в трубе рваное отверстие, — говорил он, — а здесь — круглое, а тут вот — тонкая щель, и вода из нее едва продавливается. А с этим подземным трубопроводом все в порядке — слышу, как струи трутся о стены труб. Но постойте: в километре отсюда на станции барахлит насос, вода подается толчками.

Не поверили было инженеры с насосной станции.

Но когда осмотрели насос, удивились — в самом деле насос пора ремонтировать.

БУТЫЛКИ НА ЗАКУСКУ

Уже много лет мир стонет от пустых бутылок, консервных банок. Их топят в океане, зарывают под землю. Отвратительными горами кажутся мусорные свалки около городов. А поляны

в лесу, берега озер — как страшно они выглядят после наезда туристов.

Японская фирма «Ниссэй Сэйю» решила эту задачу просто. Теперь, полив молока, турист может с удовольствием закусить бутылкой.

Бутылки и консервные банки можно сделать из съедобной и даже вкусной белковой пленки.

Сначала из очищенного гороха получают белковый раствор. К нему добавляют всевозможные приправы и нагревают до температуры 80 градусов. А уж из раствора получают съедобную пленку.

Если однажды увидите человека, закусывающего консервной банкой, не пугайтесь, а скажите ему: «Приятного аппетита!»

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАСТРОЙЩИК РОЯЛЯ

Для настройки рояля или другого музыкального инструмента нужно многое знать и уметь. Не всякий человек может стать настройщиком.

У настройщика должен быть абсолютный музыкальный слух, какого нет даже у

некоторых знаменитых композиторов.

В Минском радиотехническом институте появился электронный настройщик. Он может настроить вам пиани-

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУКИ

но не хуже самого опытного мастера, при этом намного быстрее.

ВОТ ЭТО КЛЕЙ!

Наверное, лет тридцать назад мало кто верил, что можно приклеить к стальному кубу медный, а к мед-

ному — алюминиевый, к ним — деревянный, например, или еще какой-нибудь.

«Такого не может быть», — сказал бы тридцать лет назад инженер.

Но химики изобрели эпоксидный клей.

Сначала этому клею не доверяли.

Тогда испытатели собрали

во двор директоров заводов. При них склеили эпоксидным клеем два металлических бруска. Нижний брусок прикрепили к грузовику, стоявшему тут же во дворе, а верхний — к подъемному крану. Через несколько минут грузовик болтался в воздухе, и бруски не развалились — так крепко их схватил клей.

С тех пор редкие заводы обходились без эпоксидного клея.

Но был у него огромнейший недостаток. Стоило в приготовленный клей попасть воде и клей не затвердевал. А поверхности склеиваемого металла приходилось тщательно зачищать — иначе металл склеивался непрочно.

О работе под водой нельзя было даже и мечтать.

Ученые Института химии высокомолекулярных соединений Академии наук Украины изобрели новый клей. Он называется «Спрут».

Им можно склеивать бетоны и металлы, стеклопластики и другие материалы.

Он склеивает повсюду — под водой и на суше. А склеивающая способность у него еще больше, чем у эпоксидного.

ФИЛЬМ ПО ЗАКАЗУ

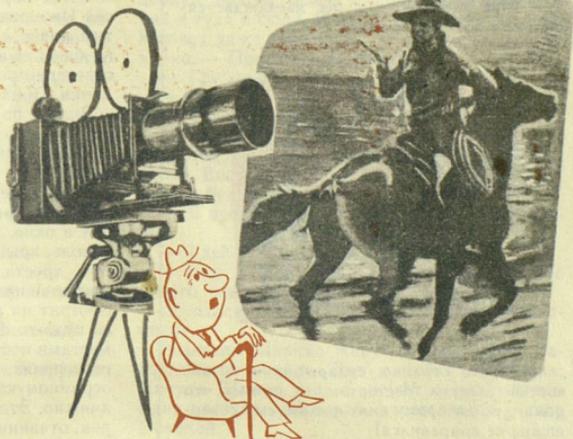
Мы знаем музыкальные автоматы. Опустил пятак, выбрал любимую музыку, автомат сам достанет пластинку, включит проигрыватель, сиди, слушай.

Теперь изобретен такой же киноавтомат.

Приехала семья за час до отхода поезда на вокзал, времени много, делать нечего.

Зашли в небольшую комнату, где всего лишь пять — семь стульев. Выбрали себе фильм в списке, опустили монету, нажали кнопку. Дальше уже работает автомат. Достает видеокассету, показывает на экране кино. Автоматы видеокассетного кино сконструировали шведские специалисты.

Оформление А. Януса

Рисунки
М. Беломлинского

НЕИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

— Почему-то люди, которые самвут веселыми и остроумными, жаждутся на скуку в церкви? — недоумевал один епископ.

— Все дело в собеседнике, — заметил на это писатель Лихтенберг, — в обществе ваши почтенные прихожане могут найти

сносного партнера для беседы, а в церкви вы им предлагаете остаться наедине с богом. Что может быть скучнее!

ФОКСТЕРЬЕР В КИНО

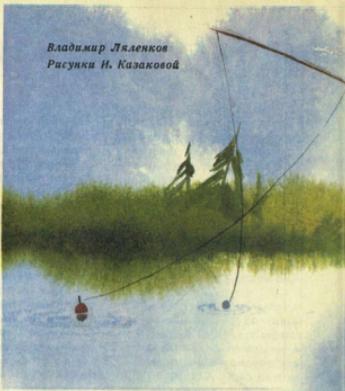
Английский писатель Честертон предпочитал не расставаться со своим фокстерьером и однажды взял собаку с собою в кино. Одна пожилая леди, желая уязвить писателя, сострила:

— Мне кажется, ваш пес наслаждается фильмом больше, чем вы!

— И это странно, сударыня, — с живостью ответил Честертон, — потому что роман, по которому снят фильм, ему совершенно не понравился!

Владимир Явленков
Рисунки И. Казаковой

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ И ШАРИК

Случилось это года два или три назад. Сергей Иванович точно не помнит. Помнит, что стояло лето и был праздник. В квартире собрались много гостей. Один из них, должно быть, командированный, сказал:

— Ну, молодой человек, давай знакомиться. Как вас звать?

Неожиданно для самого себя Сергеа Иванова ответил:

— Сергей Иванович Ланцов. — И пожал протянутую большую руку.

С тех пор и пошло: Сергей Иванович, Сергей Иванович. Хотя он окончил только четвертый класс в этом году. Вначале мама и отец, их близкие знакомые так называли его. Потом соседские ребята, а затем в школе, даже девочки. Привыкли все. И он привык.

Зимой по утрам Сергей Иванович вставал раньше, чем сейчас. Отец уходит на работу всегда в половине восьмого. Мама — в половине девятого.

Теперь же Сергей Иванович встает, когда захочется. Проснувшись, он прежде всего смотрит в окно, прислушивается. Через окно видны тополь, крыша соседнего дома, где живет главный треста. Сергей Иванович вскакивает с улыбочкой на лице. Опять бежит в столовую и смотрит на речку. Два веренища гусей плещутся куда-то. Весь луг сверкает росой! И Талька местами поблескивает, а возле прибрежных кустов ивынка сидит на корточках человечек в огромном картузе. Часами будет сидеть неподвижно. Это Колька Шаров, по прозвищу Шарик, отчаянный фантазер, враль, завядлый охот-

ник и рыбак. Учитесь Шарик с Сергеем Ивановичем в одном классе, знают друг друга давно, но Сергей Иванович до сих пор не может точно определить: когда Шарик врёт, а когда говорит правду.

Пролетит завтрак, Сергей Иванович пулей влетает в одних трусах во двор, мчится через луг к речке. Шагает в четырех от Шарика останавливается и стоит тихо. Сегодня Шарик забросил пять удочек. Сидит на корточках, уперев локти в колени, ладонями поддерживает голову.

«Демьян бедный — мужик вредный», — поет он тихонько. Умолкает. Через несколько секунд, не меняя позы, начинает едва заметно подпрыгивать на одном месте. И заводит новую песню:

*Рано утром, вечером,
Поздно, на рассвете,
Баба ехала верхом
В откидной карете.
А за нею во всю прыть,
Медленно шагая,
По земле летели три
Сизых погуса!*

Сергей Иванович падает на траву и заливаясь хохотом.

— Медленно шагая, летели по земле? — кричит он сквозь смех.

Хоть сто человек будут смеяться вокруг него, а Шарик и не улыбнется.

— Спокой еще, Шарик!
Шарик пропел снова.

— Откуда ты берешь эти песни?

— Я много кое-что знаю, — важно проговорил Шарик. — Вот здесь никто не ловит рыбу. Думаю, ее нет, а я знаю, что есть.

— Клевало сегодня?

— Вот такая сорвалась. С той удочки. Этакая животина! Я даже перелугался.

Сергей Иванович верит и не верит.

— Врешь ты все! — на всякий случай говорит он, глядя на поплавок.

— Да вот тебе: чем хочешь поклянусь. Я дернул, подсек, повел вправо, потом влево. А она и туда и сюда. И вдруг — хляп — и ушла! Крючок даже затонул, — добавляет он спокойно. — Пришлось заменить.

— Где же он?

— Кто?
— Разогнутый крючок.
— Выбросил.

Сергей Иванович прошел к воде, потрогал ногой. Еще денка два постоит такая погода, можно будет купаться.

— И вчера уже купался, — проговорила Шарик.

— Где?

— Вон в том заливчике. Холодноавато. Но ничего, освежает.

«Купался он или нет?» — думает Сергей Иванович.

Родители Шарика живут в Новоогорске. Работают на заводе. Дед и бабка в Концах. Покуда Шарик учится, живет с родителями. Едва наступит каникулы, переселится к деду с бабкой.

Прошлым летом Шарик ставил где-то в лесу капкан, которым дед ловил хорьков в сарае. Шарик мечтал поймать лису или волка. Потом сказал, что в капкан угодила медведь лапой. Капкан Шарик привязывал веревкой к дереву. Медведь порвал веревку и ушел с капканом.

— С чего ты взял, что медведь был?
— Шерсть медвежья кругом валялась.

Но все взрослые говорят, что вокруг Новогорска никаких зверей, кроме лосей, нет.

Вообще от Шарика можно услышать такие новости... Сообщит, например, будто в лесу объявились дикие собаки. Бродят стаей, как волки. Даже на людей нападают. Или: после постройки плотины Черное болото начало разливаться. И дальние концовские поля может затопить. Вот тогда уж достанется новогорскому начальству! И самому директору завода будет взбучка!

— Помнишь, я говорил, в Калявине пропал куда-то племенной жеребец? — вдруг говорит Шарик, не сводя взгляда с поплавок.

Сергей Иванович пожимает плечами. Ни про какого жеребца он не помнит.

— Да к его нашли. И знаешь где?

— Где? — машинально произносит Сергей Иванович.

— Под Новгородом. Там монастырей старых много. И есть такие: среди болот они еще при царе построены. В одном таком и нашла его милиция. И еще там всякие вещи обнаружили.

— Какие вещи? — недоверчиво спрашивает Сергей Иванович.

— Разные... И оружие.

— Оружие? Чье?

— Никто не знает, — твердым голосом произносит Шарик. Мечтательно закатывает глаза, должно быть, сообщая, что еще сказать. — Никто еще не знает. Но узнают!

— А жеребец как туда попал?

— Изучают. Говорят, там ничего не тронули, оставили все, как было. Под крышей устроили телевизиорные трубки, от них провод протянули в укрытие и наблюдают. Понимаешь?

— Что ты все врешь? — не выдерживает Сергей Иванович. — Думаешь, мы глупее тебя?

Но Шарик не смущается подобным замечанием. Презрительно смотрит на Сергея Ивановича. Вздыхает.

— Эх вы, ничего вы не знаете! — произносит он, встает, сплевывает. И опять садится. Задумчиво смотрит на Тальку: лес, лес и лес. Где он кончается? Что за ним? Город какой-нибудь, деревни?

Минут десять ребята молчат. Шарик приносит из кустов старую сумку от противогАЗа. Достает из нее бутылку молока, хлеб, яйца.

— Хочешь перекусить? — предлагает он Сергею Ивановичу.

Тот молча качает головой.

— Чего ты дома не поешь? Дом-то твой в двух шагах! — уже почему-то сердясь, говорит Сергей Иванович.

— Нельзя, что ты! Вдруг опять клонет. Вот сейчас с клонет, а только отвернись, она и схватит!

Замолчали.

Сергей Иванович отходит чуть в сторонку от удочек, зайдя в воду по колено, пригоршнями черпает воду. Смачивает голову, грудь, спину. Направляется домой. Несколько раз оглядывается на Шарика. Тот снова сидит на корточках, подперев голову руками.

Солнце уже поднялось высоко.

В этом номере гостят друзья Уголька из журнала латышских ребят „Зилите“.

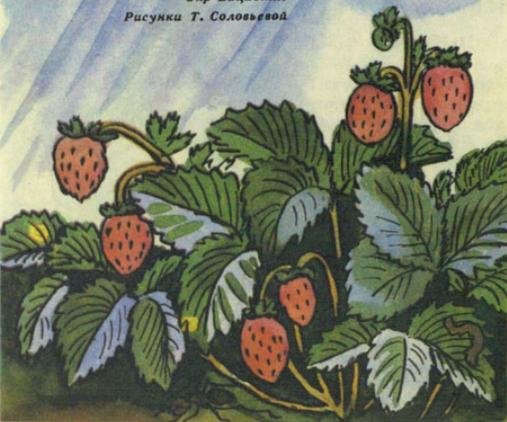
ДОЖДЬ

Дождь идет и идет.
Наконец устает
И идти перестает.
Отыскав огород,
В грядки мягкие ныряет,
Под землю засыпает.

Вот он высался. Взгляни-ка,
Вылезает из земли
Уж не дождь, а земляника.

Ояр Вацетис

Рисунки Т. Соловьевой

ПРАЗДНИК

Снова праздник к нам пришел,
Празднику мы рады.
Одевает в алый шелк
Он домов фасады.

Мы выходим со двора
С красными флажками,
Громко мы кричим: „Ура!
Праздник снова с нами!“

*Даце Эжмуса,
уч. 3-го класса
Бауской 1-й средней школы*

ВЕСЕЛЫЕ ГОСТИ

Видишь кто? Видишь, кто
На машине мчится?
Два Козла, два Козла,
Заяц и Лисица.

Что у них, что у них
Спрятано в кабине?
Пироги, пироги
И цветы в корзине.

Знаешь где? Знаешь, где
Выходить им надо?
За углом, за углом
Возле зоосада.

Почему, почему
Танцы там и пенье?
У Слона, у Слона
Нынче день рожденья!

РЕПА

Размечталась Репа.
—Дорасту до неба!
То-то удивится
Вся моя родня!

Где уж дедке с бабкой,
Где уж внучке с Жучкой,
Где уж кошке с мышкой
Вытянуть меня!

Е. Руженцев

*Рисунки
Т. Капустинной-Хонен*

ДОРОГАЯ РОДИНА

Наши отцы,
А твои сыновья,
Тебя защитили,
Отчизна моя.

Милая Родина,
Щедра и добра,
Дороже и золота,
И серебра.

Иван Яудзе,
уч. 2,а" класса
юрмалской школы №

2 Рисунок Г. Ивановой

7

СНЕГ ИДЕТ

Снег сыплет и сыплет — елки в снежных шалях, кусты поседел.

Взяли ребята метелки, смхнули снег с крыльца, взяли лопаты, расчистили в саду тропинку. А кругом сугробы, растут все выше, выше. Вот вырыли ребята в сугробе пещеру.

А маленькая Галя слепила снежный дом. Он ей по колену. Посадила вокруг дома сад из еловых веток, поставила забор из прутьев:

— Это мой дом, это мой сад!

Походила-походила вокруг своего дома, и стало ей скучно.

— Не скучай, Галя, приходи к нам в гости.

Галя пришла, понравилось ей у нас в пещере. Снежный стол, снежные скамейки и зайчик в углу стоит, тоже из снега.

— Можно я всегда буду с вами? — спросила Галя.

— А как же твой снежный дом?

— Это будет наша дача, мы там все вместе летом станем жить.

Анна Гарф

6

БЕЛИЧЬИ ЗАБОТЫ

Давно, наверно,
Белки съели
Опенки и боровики.
Они таскали их
На ели,
Накальвая на сучки.

Они все рене
Их находят,
Обшаривая зимний лес.
Видать, орехи
На исходе

И желудей
У них в обрез.

И не теплеет
Терпкий воздух,
От холодов
Трещит кора,
И ночь
Накальвает звезды
На иглы осен
До утра.

Николай Алтухов

Рисунок А. Орлова

3

Ю. Михайлов

Фото Г. Ковенчука

СПОР ЗА СЕКУНДУ

Псковичам к пальбе не при- выкать. Счет потерян, как час- то вражеская рать подступала к стенам города. И учинялась пальба великая: из пищалей и единогого, мортир и мушке- тонов.

На этот раз стрельба доно- сится из центра города — со Спортивной улицы. И туда, на стадион «Машиностроитель», потянулся народ, в большин- стве своем юный. Благо, что ка- никулы!

Выстрел. Стайка девочек срывается со старта и несется наперегонки по гладкой упру- гой дорожке. Не успел еще развеяться голубой дымок над судейским пистолетом, а спорт- сменки дружно набежали на ленточку.

Что ни финиш — то аплоди- сменты. Дружно приветствуют псковские школьники победи- телей. А вот уж радости бо- лельщиков совсем нет преде- ла: их землячка Люба Дроздо- ва пробежала дистанцию за 8,1 секунды. Отличное время! Победа?

Нет... На одну десятую се- кунды быстрее промчалась по резино - битумной дорожке Валя Шевчук.

БЕЗОШИБОЧНЫЙ ВЫБОР

Итак, Валя — первая чемпи- онка XIX Всесоюзных пионер- ских соревнований по легкоат- летическому четырехборью. Чемпионка по бегу. Но впе- ред еще три старта — прыжки в высоту и длину, метание мяча. Тут одной быстротой не воз- мешь. Надо быть сильной, лов- кой. Да и выносливой — ина-

че не выдержишь накала двух- дневной борьбы.

Валя умеет сражаться. Прош- лой осенью в Артеке пионер- ка из эстонского поселка Азе- ри трижды побеждала в спар- такиаде лагеря и каждый раз с рекордами. Домой Валя верну- лась, как солдат сверхсрочной службы — вся грудь в медалях. Весной отличилась снова — стала чемпионкой Эстонии по пи- нерскому четырехборью.

Тренер Хельве Рудольфов- на Хинно говорит:

— У нас, в Эстонии, пристра- стием к спорту никого не уди- вить. Все школьники отлично ходят на лыжах, рано учатся плавать, охотно бегают кроссы, не расстаются с баскетболь- ным мячом. В нашем поселке Азери, что вблизи шахтерского города Кохтла-Ярве, открылась детская спортшкола — так от желающих записаться отбо- я нет. Валя выбрала легкоатле- тическую секцию.

— И правильно! — включа- ется в разговор почетная гостья пионерского праздника заслу- женный мастер спорта Мария Леонтьевна Иткина. — У де- вочки отличные задатки: она бежит легко, естественно. Если Валя проявит настойчивость, упорство, то через пару лет оставит позади многих извест- ных бегуний.

— И прыгуний! — уточняет корреспондент эстонской пи- нерской газеты Маре Вееты- маа. — Ведь уже сейчас мало кто из взрослых спортсменок нашей республики способен со- перничать с Валей.

Тем временем, словно слыша наш разговор, Валя приземля- ется в секторе для прыжков далеко за пятиметровой отмет- кой.

— Результат Шевчук—5 мет-

1 3 2 1

Люба Джалова

ров 37 сантиметров, — объявляет судья-информатор.

Убедительная победа!

Поздравляя Валею, я поинтересовался, чьи советы, по ее мнению, были бы особенно полезны и для начинающего спортсмена и для нее самой.

— Конечно, Валерия Борзова. По телевизору я видела, как он бежал в Мюнхене. Вот это спринтер! Мне бы хотелось узнать, когда он начал тренироваться и как при самом стремительном беге он сохраняет непринужденность движений.

Игорь Левкин

БЕГ ПО СКОВОРОДНЕ

На вопросы чемпионки XIII пионерских игр отвечает чемпион XX олимпийских игр Валерий Борзов.

Еще двадцать-тридцать лет назад трудно было предположить, что спринтеры могут пробегать 100 метров быстрее 10 секунд. Но вот то, что казалось несбыточной фантазией, осуществилось. Лучшие спринтеры мира развивают сейчас скорость 40—42 километра в час, а мировой рекорд равен 9,9 секунды.

Когда я начал свой спортивный путь, то не думал о рекордах, о том, что стану олимпийским чемпионом. Я просто любил бегать. Бежал всегда: на работу к отцу, за покупками, в школу и из школы. Бег доставлял мне удовольствие, наслаждение. А тренироваться я начал в 12 лет.

Я хотел бы дать Вале и всем читателям «Костра», готовящим сдавать нормы ГТО, несколько практических советов.

Перед выходом на старт не надо гадать об исходе бега. Лучше сосредоточить все внимание на себе, забыть про соперников и зрителей.

После команды «внимание!» у вас должно быть такое чувство, как будто вы уже бегите, но только на месте. Переход от старта к стартовому разбегу и бегу по дистанции должен проходить плавно.

Очень важно бегать свободно, без излишних напряжений и вместе с тем с максимальной частотой движений и большой мощностью. Бег по дистанции должен напоминать как бы этот бег по горячей сковородке.

Во время бега несколько наклоняйтесь вперед, слегка прижимаясь в пояснице, голову держите прямо, на одной линии с туловищем, взгляд должен

быть направлен вперед. Руки, согнутые в локтях, двигаются энергично, в такт ногам и помогают сохранять скорость и поддерживать равновесие.

На последних метрах дистанции порой решается судьба всего состязания. Поэтому на финише стремитесь с максимальной скоростью преодолеть несколько метров за полсекунды, чтобы не было никакого сомнения в вашей победе, и, главное, не снижалась скорость на последних шагах.

При поражении, каким бы обидным оно ни казалось, не следует терять присутствия духа. Внимательно относитесь к травмам, даже небольшим. Лучше неделю отдохните, чем месяц лечиться.

Юные друзья! Смелей выходите на старт. Чем раньше вы закончите тренировки, тем лучше. Не надо гнаться за легким успехом. Прежде необходимо стать сильным, научиться переносить утомительные тренировки, подчинить себя достижению большой цели в будущем.

ШКОЛА КУЗНЕЧИКОВ

Дима Макаров штурмовал высоту в гордом одиночестве. 185 сантиметров. Судьям при установке планки пришлось пользоваться «габуреткой». Дима шел на международный рекорд. Только что перед этим он установил всесоюзное достижение, преодолел 180 сантиметров. Восемнадцать лет разыгрывались турниры по многоборью, и никому из ребят не покорялась такая высота!

Международный рекорд на этот раз устоял. Но надого ли? Ведь вместе со своими товарищами по команде — легкоатлетами школы № 10 города Люберцы Московской области — Дима завоевал право выступать в финальных состязаниях

в Германской Демократической Республике.

У Димы Макарова знающий и энергичный тренер — Алексей Михайлович Цибилов. Он крупный специалист по прыжкам «Школой кузнечиков» называют детскую спортивную школу в Люберцах. Все ребята здесь за год — два становятся классными прыгунами. И Дима подтверждает это. Кроме высоты, он опередил всех и в прыжках в длину. Результат — 6 метров 8 сантиметров.

Оказалось, однако, что новый чемпион не очень-то доволен своими достижениями. Ведь иные взрослые атлеты, поделились со мной, и в длину улетают за 8 метров, и двухметровую высоту без видимых усилий прыгают.

— Да, — согласился я, — таким универсальным прыгуном был Игорь Тер-Ованесян.

— А как он выступал в моем возрасте? — поинтересовался Дима.

ДОМ СТРОИТСЯ С ФУНДАМЕНТА

На вопрос Димы Макарова отвечает призванный чемпион Европы Игорь Аранович Тер-Ованесян.

Я рос в спортивной семье: папа был в молодости рекордсменом СССР по метанию диска, мама — мастером спорта по теннису. Бегать я, видимо, научился раньше, чем ходить. Пионерские четырехборья тогда еще не было изобретено. Его мне заменило домашнее многоборье, а в нем было, пожалуй, десятка три упражнений. Оно-то и помогло мне получить гармоническое развитие: я быстро бегал, высоко прыгал, неплохо метал мяч, копал, грал. В любых школьных соревнованиях мне участвовать было легко и интересно.

Свой первый всесоюзный рекорд — среди старших мальчиков — я установил в 1954 году, прыгнув в длину на 6 метров 84 сантиметра. Правда, тогда я был не год старше Димы.

Через два года, еще в юношеском возрасте, я завоевал путевку на олимпийские игры в Мельбурне. А всего я участвовал в четырех олимпиадах — трижды становился чемпионом Европы.

Нет сомнения, что фундамент моих успехов был заложен в детские и юношеские годы, когда я часто и охотно выступал в многоборье и даже выполнял обязанности мастера спорта для десятиборья.

Сейчас мне, как заместителю главного тренера сборной СССР по легкой атлетике, и доверено вести отбор нового поколения в нашу команду.

Трудно сказать, кто из победителей пионерских соревнований во Пскове придет к нам, в Большую школу. Но одно ясно, что, минуя четырехборье, это сделать невозможно. Знайте, что именно с соревнований «Дружба» начинали свой путь олимпийские чемпионы Валерий Борзов, Рената Шехер (ГДР), Игорь Шевиньска (Польша).

Итак, ребята, на стадионы! За тренировки, будущие олимпийцы!

ТАМ, ПОД ОБЛАКАМИ

Ладонию заслоняя глаза от солнца, всматриваются судьи в голубое небо. Кое-где в вышине, словно шарик сливочного пломбира, застыли округлые облака. Среди них затерялся мячик, пушенный рукой Игоря Левкина. Наконцев у противоложной крошки футбольного поля откуда-то сверху, как метеорит, мяч врывается в траву. Хватит ли судьям рулетки, чтобы замерить бросок? 82 метра 40 сантиметров.

Гарный злопещ — не скрывает своего восхищения главный судья турнира, кистати, тоже олимпийский чемпион по метанию Виктор Иванович Цибуленко. — Надо, надо его мне почетный диплом выдать. Почему маме! А дело в том,

Валя Шевчук

что Игорь живет в Днепрпетровске, а команда этого города не смогла пробиться в финал. Игорь привезла во Псков маму. Ей посоветовали побывать летом в одном старинном русском городе, а поскольку уже было известно о пионерских соревнованиях, она решила взять с собой Игоря, большого любителя легкой атлетки.

Случилось так, что судейская коллегия разрешила мальчику выступить в личном зачете. Игорь оправдал доверие: он опередил всех в спринте, дальше всего метнул мяч и стал абсолютным чемпионом.

А среди девочек в четырехборье победила уже знакомая нам Валя Шевчук. Интересно, что и Валя, и Игорь, словно по заказу, набрали одинаковую сумму очков — 340.

Оформлена О. Зуева

ГНОМ, ЛЕСОВИК, ДОМОВОЙ, ЗВЕЗДОЧЕТ ПО-СВОЕМУ ВЕСЕЛЯТСЯ ПОД НОВЫЙ ГОД, МЕЖДУ ПЕНИЕМ И ТАНЦАМИ УСТРОИВ СОРЕВНОВАНИЕ НА ЛУЧШЮЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ВНИМАНИЕ.

Хуссейн сделал открытие: новогодняя елка представляет прекрасный объект для психологической тренировки. Действительно: попробуйте мысленно, не указывая пальцем на игрушки, как можно быстрее сосчитать, сколько на елке шариков, звезд, сосул, рыбок, фонариков, бабочек, птиц, кувшинчиков, фруктов. Засека время, за которое справится с этим каждый участник, можно устроить соревнование.

А тот, кто претендует на звание чемпиона, пусть попытается в уме сосчитать, сколько шариков, звездочек и т. д. красного, синего, желтого цвета.

КРОССВОРД 5АБ. Автор Валера Левкин из Орска. 5 — потому, что все слова кроссворда имеют 5 букв. Почему АБ? Это вы узнаете, когда решите кроссворд.

По вертикали: 1. Граница воды и суши. 2. Домашнее животное. 3. Тропическое растение с клубнями (сладкий картофель). 5. Крепость-город. 6. Сетка для прижогов. 9. Венгерский ученый — изобретатель счетчика переменного тока. 10. Вид боеприпаса. 11. Сезонная или предпраздничная торговля. 16. Государство в Азии. 18. Тропическое плодородное растение. 20. Сталь для оружия. 22. Верхняя часть ноги. 23. Надземная часть корнеплодов.

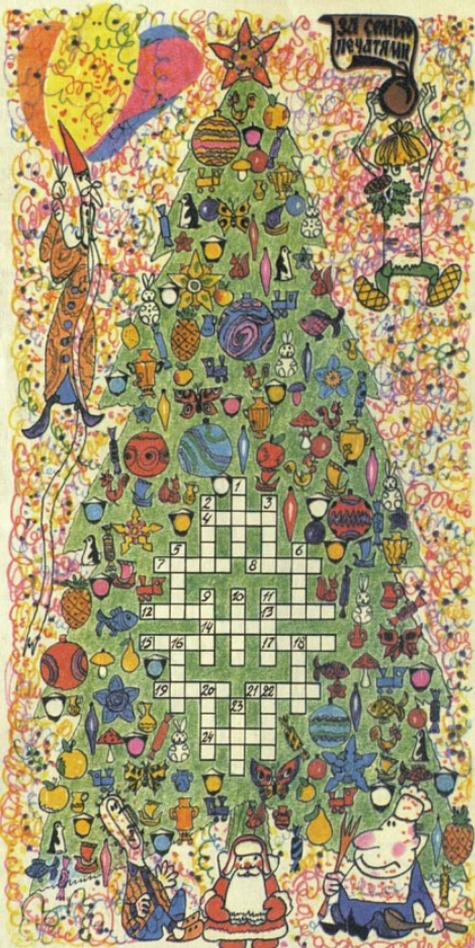
По горизонтали: 4. Самая большая артерия в системе кровообращения. 7. Цирковой манекен. 8. Сборник географических карт. 12. Смазочное масло. 13. Мужское имя. 14. Минерал. 15. Район Москвы. 17. Должность в католическом монастыре. 19. Простейший одноклеточный организм. 21. Красная строка. 24. Исполнитель роли.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 11.

Чтобы вылить уксус из бутылки, надо перевернуть ее вниз пробкой и, когда уксус перельется вниз, к горлышку, слегка приоткрыв пробку, через щель вылить нужное количество уксуса.

Кроссворд «ЗАГАДКИ». 1. Небо. 2. Ночь. 3. Гром. 4. Снег. 5. Ноты. 6. Тень. 7. Ноги. 8. Град. 9. Ночь. 10. Зубы. 11. Роса. 12. Нива. 13. Очки. 14. Танк. 15. Серп. 16. Осел. 17. Овес. 18. Рожь. 19. Коза. 20. Репа. 21. Река. 22. Сноп. 23. Сито. 24. Ковш. 25. Плуг. 26. Пога. 27. Грач. 28. Дуга. 29. Вода. 30. Волк. 31. Лист. 32. Коса. 33. Воск. 34. Окно. 35. Одина. 36. Орех.

ОТВЕТ НА РАССКАЗ-ЗАГАДКУ (см. «Морскую зазету»): Кук, кок, СОС, ралар, канак, Акка.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, Новый год!
Первая учительница
рассказ Ю. Шесталова
рисунки А. Якуса

**Артек в разноцветных
глазах**
репортаж Г. Георге
фото Л. Кухарского

Звезды над Ясной
опыт Г. Валуева
рисунки А. Гетманского

Варшава
урок кинорова
Мандиши вил побед

Рассказывает С. Давыдов
рисунков Т. Капустинской-Хонен

Осленок для Юдузу
рассказ А. Сахарова
рисунки И. Харкевича

Сказки разных народов
Б. Торпокиан
рисунки М. Беломлинского

1 Вода пустыни
путевые заметки В. Арро

2 Алдская бомба
рассказ Кольо Георгиева
рисунки В. Орлова

3 Путешествие в сказку
заметки В. Тузова

6 Старший брат
репортаж Л. Пожидаевой
фото Е. Сичяера

7 Поющая латуна
очерк О. Шестинского
рисунков Ю. Клыккова

10 Морская газета

14 Я, мой младший брат
и наши бабушки
рассказ В. Вартак
рисунки Ю. Шабанова

16

Рисуют и сочиняют
дети Тавангия

20 Ищем героев!

23 Библиотека Кости Теркина
Зеленые страницы
ведет писатель Н. Сладков

28 Все уметь и все успеть
на выставке «Костра»

31 Последние известия науки
Сергей Иванович и Шарик
рассказ В. Яковлева
рисунки И. Казаковой

32 Уголек
журнал для малышей

34 С олимпиадским прицелом
беседа Ю. Михайлова
фото Г. Ковенчука

36 Экспедиция «Вокруг света»
штра

38 Обложка Г. Ясинского

НАША АФИША

Турнир — 75! Турнир — 75! Турнир — 75!

Кого принимают? Шахматистов. Шашкистов. Новичков, желающих научиться играть. Всех!

Что победителям? Дипломы! Призы! Спортивные разряды!

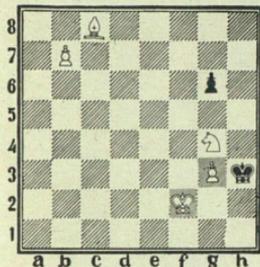
Как писать заявку? На почтовой открытке. Указать — фамилию, имя, класс, разряд, адрес.

Спешите записаться — начало в январе!

Адрес — 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37.

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

— Трехходовая кисло-сладкая задача! — объявил дежурный и подал блюдо, которое вы видите на диаграмме.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил Коля Бокон:

— Что тут думать? Превратить пешку b7 в ферзя, а там что-нибудь да выйдет!

Попробовали — получилось очень кисло: во всех заманчивых вариантах возникал пат.

— Поставьте на место пешку b7 и не трогайте ee! — сказал тогда Юра Сулейманов. — Композитор, составивший эту задачу, наверно, включил ее просто так — для обмана.

— Э, нет, — поправил Юру Ферзбери. — Так ни один композитор не сделает! При составлении задач обязательна строгая экономия: каждая фигура и пешка должна «работать».

А неудачствующие в решении не имеют права находиться на доске.

— Решил! — крикнул тут Сеня Пигин. — Работает пешка! Вовсю работает! — и он показал мат в три хода.

А вы, рыцари, найдете этот мат?

КТО? КТО? КТО?

Доблестные рыцари! Кто сумеет победить в концовке Вадима Булата (Витебек)? Белые: b6, d2, d6, f4, g1; черные: b4, b8, c3, f6, h4.

Кто найдет путь к победе в концовке Сергея Мальцева (Токаревка)? Белые: c3, d2, e3, f4, g3; черные: c5, d6, f6, h6.

Кто найдет выигрыш в концовке Сергея Ковалева (Южно-Сахалинск)? Белые: a1, c1, e5, d2, e1, f2, g3, h2; черные: a3, a7, b4, c7, d6, e5, e7, g7, h6.

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ

В «Костре» № 11 ты прочитал об окончаниях, где король, слон и ладейная пешка борются против короля. И вот в партии твоей возник индешиль — белые: Крс3, Се3, па4; черные: Крд5. Твои — белые.

«Вот неудача! — размышляешь ты. — Ведь вышло то самое окончание: слон у меня чернопольный, а поле превращения пешки (поле a8) — белое. Король же черных проберется в угол. Обидно, но что делать? Ничья...»

Нет, подожди отчаиваться! Черный король еще не в углу, и есть возможность не пустить его туда:

1. a5 Крс6 2. a6 Крс7 3. Са7! Теперь словно колючая проволока перегородила черному королю дорогу к полю a8!

3... Крс6 4. Крс4 Крс7 5. Крс5 Крс6 6. Крсб, и твоя победа обеспечена! Запомни этот прием.

КОМИТЕТ „ВОПРОС — ОТВЕТ“

— Что значит побить пешку «на проходе»? — спрашивает Саша Губкин.

— Если пешка, делая двойной ход, проходит через поле, атакованное вражеской пешкой, то та может ее побить «на проходе». Белые: Крг1,

п. f2; черные: Крд2, п. g4. При ходе f2-f4 черные имеют право побить пешку по ходу — g4: f3 (черная пешка ставится на f3).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 9 решаются так.

Идет турнир! Шахматы. № 7. 1. Фс7! № 8. Мат в 3 хода — 1e8K! Лf6 2. Фг7+! № 9. 1. Лg1 Крh2 2. Лb5g2+Крh3 3. Лg7 Крh2 4. Лf1g4+! Крh3 5. Л4g5! Крh4 6. Лf1. № 10. Белые спасутся — 1. Се7! a2 2. Сf6+ Крb1 3. Са1! Кb2+4. Крd2: Крa1 5. Крe1! № 11. Белым не спастись: если 1. Сб6, то Кh4! 2. Чh1 Крf1! 3. Крd1 Кf5! 4. Крд2 Крg1 5. Крe1 Кe3 6. Крe2 Кg2 с выигрышем. № 12. 1. Се3+Крb7 2. e7 Л:а3 3. Са7! Лa4 4. Крf4 Лf1+5. Сf2! Л: f2 6. Крe3. Шашки. № 7. 1. bc3! 2. с3!X. № 8. 1. e3! 2. e7! 3. fe5X. № 9. 1. f2! 2. d4!X. № 10. Тут белым не выиграть: если 1. d6 b4 2. d4 a3 3. c3 de7 4. c7, то g7! и 5... d6 с ничьей. № 11. Ничья — 1. cd2! 2. g3! Лe5! 12. Ничья — 1. fe3! 2. f2! 3. ed4! 4. g5 5. h6.

Книга жалоб. Последний ход Гурова был b5:a6 (побил коня). Вместо этого он мог побить на проходе и дать мат — b5:c6X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Ка6!

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (и. о. отв. секретаря), А. И. Пантелеев, Л. И. Пожидаева, Р. П. Посодин, Е. В. Серова, И. Н. Славков, В. В. Торпызин, П. А. Ходза, Г. М. Чернышова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломашинский

Технический редактор В. И. Мещатникова

Корректор В. А. Маевского

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-28409. Сдано в набор 5/IX 1974 г. Подписано к печати 25/IX 1974 г. Формат 60×90X. Печ. л. 8+обл. 8.8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ 3296. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

